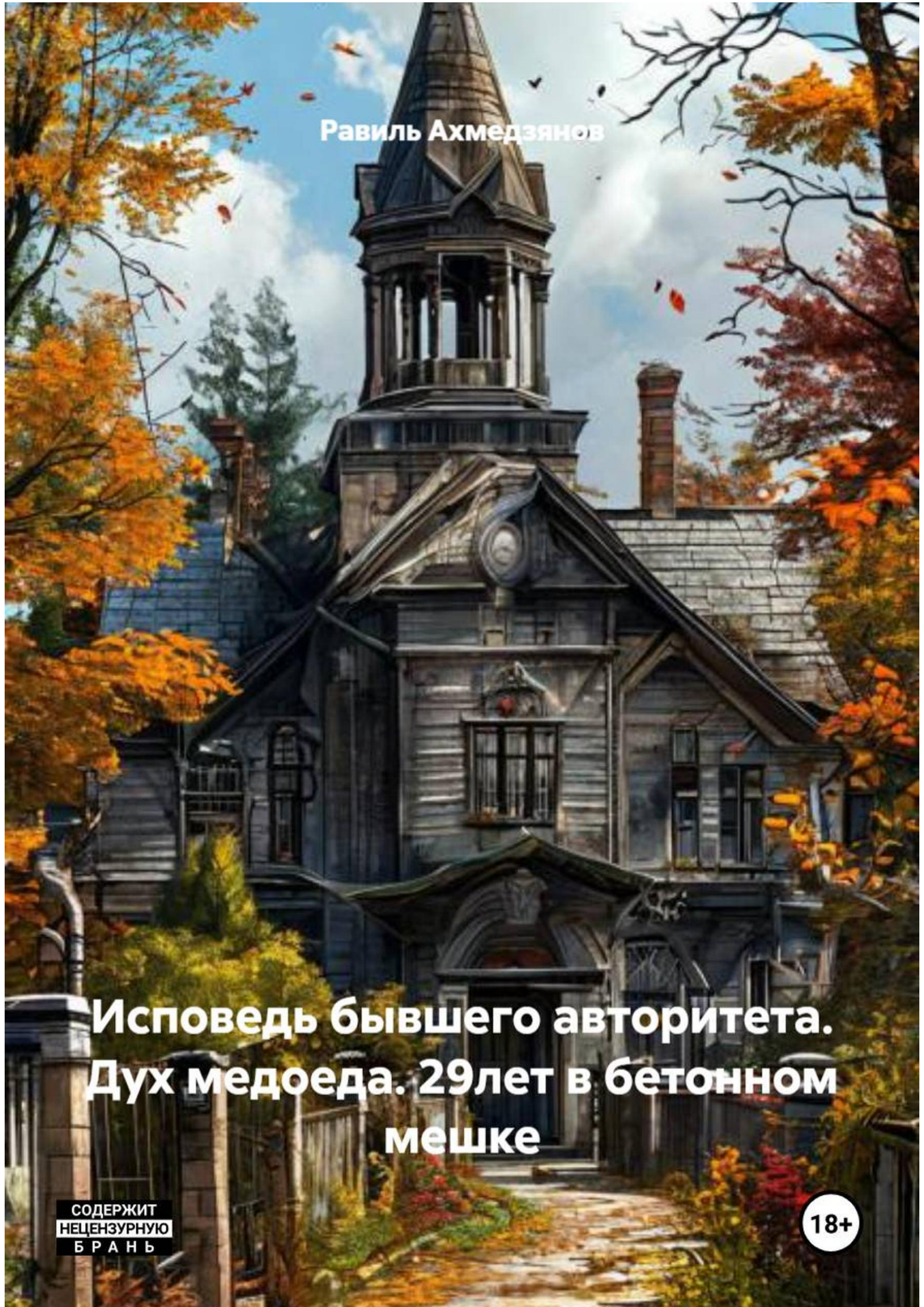




Равиль Ахмедзянов

**Исповедь бывшего авторитета.
Дух медоеда. 29 лет в бетонном
мешке**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Равиль Ахмедзянов

**Исповедь бывшего
авторитета. Дух медоеда.
29 лет в бетонном мешке**

«Автор»

2026

Ахмедзянов Р.

Исповедь бывшего авторитета. Дух медоеда. 29 лет в бетонном мешке / Р. Ахмедзянов — «Автор», 2026

Это сага, описывающая всю жизнь одного авторитета, рецидивиста. Который прожил всю жизнь? В почёте и уважении. Руководитель группы ОПГ. Сам её создал. Верующий человек христианин. И никто никогда не сказал ему, не обличил его в чем-то не чистовом подлом низком, у него никогда не было преступлений, связанных с насилием. С унижением человеческого достоинства. С изнасилованиями. И прочими. Сексуальными. Нечистотами. Он никогда не ел чужую пайку в лагере. У него была бурная юность и детство. Судьба была к нему с раннего возраста очень жестока ему пришлось убить отца и ответить за это перед законом Что и привело его в первый раз на малолетк. Хапнуть лиха малолетки и выйти из нее с честью и достоинством. И не издевался над молодыми новенькими, пришедшими. Душами, наоборот, старался каждому помогать по мере своей возможности. Помогал, наставлял. Оберегал первые дни брал под свою защиту. Объяснял особенности выживания и жизни в лагере, в тюрьме. Помогал связями. И материально, и духовно.

Содержание

Глава 1 Рождение Ахмеда.	5
Глава 2 Развитие и рост Ахмеда	7
Глава 3 Возмужание и тени прошлого.	9
Глава 4 Графу посвящается	11
Глава 5 Не оскорбляйте собак.	13
Глава 6 Колхоз вымирающий.	14
Глава 7 ПЕРЕЕЗД В КАЗАХСТАН.	17
Глава 8 джамбул.лето.	19
Глава 9 Вокзальный университет	21
Глава 10 Рост и уважение	23
Глава 11 Мать.Святая обитель материнского сердца	25
Глава 12 Маме посвящается	27
Глава 13 Сестра Рая. Кровь родная.	28
Глава 14 Медоед	30
Глава 15 Медоед рвет.	32
Глава 16 Расширяем плацдарм духа.	34
Глава 17 Бой на пероне	36
Глава 18 Отец.	38
Глава 19 Защитник.	41
Глава 20 Угол	43
Глава 21 Развод родителей	46
глава 22 ПЕРВАЯ КРОВЬ	48
Глава 23 Тайга	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Равиль Ахмедзянов

Исповедь бывшего авторитета. Дух медоеда. 29 лет в бетонном мешке

Глава 1 Рождение Ахмеда.

Рождение Ахмеда.

Рождение человека — тайна, но в большом далёком колхозе Узбекистана, в Ташкентской области, в селе с гордым именем Ленинград, оно стало началом долгого спора судеб. В тот день, когда мальчик увидел свет, отца дома не было — он, городской житель, «поселковый интеллигент», работал в городе и навещал семью лишь раз-другой в неделю. Мать, русская душой и православная верой, нарекла сына Сергеем. Три дня он был Сергеем, пока на пороге не явился радостный отец.

— Ура! Сын родился! — ликовал он, врываясь в дом.

— Здоровенький, отец, — отвечала мать. — Вес в норме, всё при нём. Серёжкой назвали. Но радость отца вмиг сменилась твёрдостью.

— Какой нахрен Серёжка? — отрезал он, как печать поставил. — Ахмедом будет. Я сказал!

Так Сергей в один миг стал Ахмедом. И только по материнской линии, в тихих разговорах русских родственников, его всегда называли Серёжкой и воспринимали как Серёжку. Бабушка же по матери, старая Фелисата, нет-нет да и ворчала, глядя на внука: «Где этот басурманин бегает?»

Вера в том доме была причудливым узором. Мать привила детям веру в Иисуса Христа с молоком матери. Ахмед помнил огромную православную Библию со старославянским шрифтом, которую она иногда читала им вслух. Бабушка Фелисата и вовсе была со староверским уклоном: жила у младшей дочери, а к нам приходила со своей личной литровой кружкой и тарелкой. Ей по вере нельзя было есть с семьёй из одной посуды. Ахмед недолюбливал её за строгость, и она отвечала ему взаимностью, но он безропотно носил ей воду с колонки в её кружку. Ей даже из нашего общего ведра пить было нельзя. Отец же, татарин и мусульманин, в мечеть никогда не ходил — лишь молился за столом перед едой: «Аллах Акбар», и всё. Обряд обрезания, который он всё планировал совершить по обычаю, так и не состоялся. Ахмед вырос христианином, чьим единственным и родным языком стал русский, хоть родители и свободно общались между собой по-татарски.

Детство в колхозе пахло зноем. Красоваться было не перед кем, одежда никуда не вписывалась в эту жарю, доходившую до 50 градусов. Вся форма на лето — одни трусы да босые ноги. А пыль... Пыль в Ленинграде была особенной, густой, как цемент. На дорогах она лежала слоем по щиколотку. Ступишь с асфальта — и словно в горячую воду попал. Хлопнешь по ней — и она взметается рыжей, золотой пылью.

Ахмед рос крепким, рыжим и конопатым пацаном. Дразнилка «Рыжий, рыжий, конопатый...» сопровождала его всюду. Но он рос здоровым: отец с малых лет приучал его к физическим упражнениям. Он постоянно боролся с сыном, и старшие братья не давали спуску. Младший из них, Рома, был старше на девять лет. Они его мутузили, связывали, скручивали, узлами завязывали — оттого у пацана и появилась необычайная пластика, гибкость и сила.

Позже отец привез Ахмеду трехкилограммовые гантели. Тот, хоть и маленький был, справлялся с ними легко — спал с ними, гулял, бегал по улице, как другие дети с собачками. Был у него и самокат — на резиновом ходу, с надувными колесами и брызговиками. Ахмед

был самым блатным на селе, пока колесо не прохудилось. Отец повез его в город на своем ЗИЛ-ММЗ 555, но по дороге в кузов залезли дети и стащили запчасть. Так самокат и остался бесколесным.

Отец любил детей и всегда старался что-то привезти. Может, чувствовал вину за то, что не жил в городе. Он был водителем, всегда в белой рубашечке, в костюме, с наглаженными манжетами. Мать говорила, у него в каждом районе по жене: где ночь застала, там и дом.

Однажды он привез Ахмеду боксерские перчатки. Мальчик в них и спал, и на улицу выходил. Ни у кого таких не было. Чтобы пацанам было интересно тренироваться, Ахмед отдавал одну перчатку товарищу, а сам боксировал одной рукой. Так он и рос — физически здоровый, натренированный, вёрткий. Реакция была отличная: за всю жизнь ни одного фингала под глазом! То ли генетика такая, что синяков не бывает, то ли чутье — он всегда предвидел удар и вовремя лавировал. А удар ему достался от отца — тот в стычках вырубал людей с одного движения. Этот наследственный дар перешел и сыну.

Ахмед был последним в семье — шестым ребёнком, «поскрёбышем». У него было четверо старших братьев и одна-единственная сестра. Многое он взял от отца, от братьев и сестры, но сердце его было наполнено материнским светом. Мать была добрейшим человеком, за всю жизнь никого не обидела. Она даже курице или утке не могла голову отрубить — рука не поднималась. Для этих дел она с детства звала младшего сына: «Ахмед, Ахмед...», и он брал на себя эту ношу. Так и рос Ахмед — среди мужской борьбы, отцовской строгости и бесконечной материнской доброты, в рыжей пыли

колхоза Ленинград.

Глава 2 Развитие и рост Ахмеда

Глава II. Развитие и рост Ахмеда

Так шло время, и в рыжей пыли «Ленинграда» ковался характер Ахмеда. Он рос общительным и бойким, и женское внимание не обходило его стороной с самых малых лет. Были у него две подружки, две разные судьбы. Одна — Марина, недавно приехавшая на их улицу. С Ахмедом они были неразлейвода: играли, гуляли до заката. Марина, со всей детской непосредственностью, часто заявляла матери:

— «Вот вырастем — поженимся с Ахмедом, и будет у нас столько-то детей». Ахмед при этих словах густо краснел, смущался перед матерью и ворчал: «Да не слушай ты её, мам, она дурочка».

Второй была Ниночка — тонкая корейночка из его класса. Она жила на другой улице, и Ахмед специально делал крюк по пути в школу, чтобы пройти мимо её дома. Он по-рыцарски помогал ей нести тяжелый портфель, оберегал от задиристых мальчишек и всегда чувствовал к ней особую, тихую симпатию. Друзей-пацанов у него тоже было в избытке: кто-то его уважал, кто-то откровенно побаивался, зная, что Ахмед хоть и мал ростом, но шустрее и крепче многих.

Пришла пора идти в первый класс. Сестра Ахмеда, бывшая на два года старше, собиралась уже в третий. Мать, как водится, купила обоим по пышному букету. Ахмед шел на свою первую линейку, сжимая цветы, которые вскоре стали казаться ему тяжелым и ненужным веником. Он томился, таскаясь с этим букетом, и мечтал лишь об одном — поскорее вручить его учительнице и покончить с церемониями.

Школьная жизнь началась бурно. На второй или третий день, возвращаясь домой, Ахмед оказался в компании братьев-близнецов — корейцев. В колхозе корейских семей было много: люди они были трудолюбивые, на благодатной земле выращивали лук, чеснок и бахчу, успешно торговали. И вот эти близнецы, идя рядом, завели обидный разговор. Один шепнул другому, нарочно громко: «Да не трогай его, а то он мамке пожалуется, у него мамка толстая, как бочка».

Слова эти ударили Ахмеда в самое сердце. За мать обида вскипела в нем горькой волной. Не раздумывая, он бросился на обидчиков, посылая их градом ударов — и руками, и ногами. Корейцы, хоть их было двое и в росте они не уступали, не выдержали напора. Они бросились наутек, а Ахмед, маленький, яростный, последний на школьной линейке, но первый в драке, гнался за ними. На ходу он сорвал ранец и начал охаживать им беглецов по спинам. Те падали, кувыркались в пыли и снова бежали, пораженные этим деревенским, неостановимым напором.

Торжествующий, Ахмед шел по дороге, переводя дух, и вдруг замер. Впереди стоял УАЗик-«буханка», на котором тогда работал отец. Из кабины, не отрываясь, на всю эту сцену смотрел отец. «Ну всё, — подумал Ахмед, понутив голову, — сейчас попадет мне на орехи, сейчас начнется правка».

Отец вышел из машины и пошел навстречу сыну. Ахмед ждал окрика или подзатыльника, но произошло небывалое. Отец подхватил его подмышки, подбросил высоко над головой и воскликнул с нескрываемой гордостью:

— Слава Богу, у меня сын — настоящий мужчина растет!

Он поставил Ахмеда на землю и, едва сдерживая слезы радости, крепко пожал ему руку — по-мужски, как равному.

— Молодец, сынок, так ты этих корейцев отшлёпал! Едем в поселковый магазин, покупай всё, что хочешь. У меня сегодня праздник!

Так закончился первый настоящий бой Ахмеда. С того дня в нем окончательно проснулся дух воина. Он не терпел ни оскорблений, ни унижений, и даже те, кто был старше классом или выше ростом, знали: Ахмед — пацан отчаянный. Однако «беспредельщиком» в дурном смысле слова его назвать было нельзя. У него был свой кодекс: он никогда не бил младших и не трогал тех, кто слабее. Ему это было попросту неинтересно.

Ахмед постигал иные уровни мужества — он бросал вызов только тем, кто был старше, выше и сильнее его самого. Со слабыми он не искал вражды, напротив — старался развивать их, тренировать, учить выносливости и правильному удару. Он возрастал духовно и физически, стремясь покорять вершины трудностей, а не самоутверждаться за чужой счет. Ахмед всегда заступался за слабых и защищал девочек. За это его в классе любили и безмерно уважали. Если кто-то осмеливался дернуть девочку за косичку или обидеть словом, они не плакали, а шли жаловаться Ахмеду. И Ахмед разбирался — честно и сурово, как подобает настоящему мужчине.

Глава 3 Возмужание и тени прошлого.

Жизнь Ахмеда в колхозе текла своим чередом, и каждый день приносил новые уроки мужества. Однажды школа устроила поход на природу. Гор поблизости не было, но учителя вывели классы на живописные лужайки у реки. Пока девочки плели венки из полевых трав, а мальчишки соревновались в смекалке, тишину погожего дня прорезал отчаянный крик.

Ахмед первым бросился на шум. У старого раскидистого дуба собралась толпа. На толстых ветвях, прижавшись к стволу, сидели пацан с девчонкой и заливались слезами. Оказалось, в дереве было глубокое дупло, где устроили логово змеи. В тех краях всякой «утвари» хватало: и лис, и шакалов, а змеи попадались самые опасные — королевские эфы. Две такие гости выползли на ветки и, мерзко шипя, преградили детям путь вниз. Учителя и школьники стояли в оцепенении, боясь подступить к смертоносным гадам.

Ахмед не стал ждать. Он подобрал сухую ветку длиной около метра и уверенно полез на дерево. Эфа бросалась на него, пытаясь достать ядовитым зубом, но Ахмед расчетливо маневрировал сучком. Одним резким движением он скинул первую змею в высокую траву, а следом отправил и вторую. Путь был свободен. Поднявшись выше, он помог перепуганным друзьям спуститься на землю. Под ликующие аплодисменты учителей и восторженные взгляды девчонок Ахмед спрыгнул вниз. С того дня его авторитет в школе стал непререкаемым — его не просто уважали, в нем видели защитника.

Вскоре в семье заговорили о переменах. Старший брат Вовка вернулся из армии — он служил в танковых войсках в Джамбуле.

— Хороший город, мам, — рассказывал он. — Климат мягче, не такая испепеляющая жара, как у нас, а дома недорогие, с садами и огородами.

Родители, посоветовавшись, приняли решение: переезжать в Казахстан. Вовку отправили «на разведку» — присматривать жилье и договариваться о сделке.

В один из вечеров, когда родители еще не вернулись из города, Ахмед остался дома один. Смеркалось. Из-за края колхоза, где тянулись бесконечные поля тутовника, слышался странный звук. Между протяжным шакальим воем вплетался тонкий, жалобный плач ребенка. Ахмед замер. Он помнил рассказы матери о том, как шакалы, собираясь в стаи, имитируют человеческий крик, чтобы заманить жертву в темноту.

Во дворе на цепи сидел Граф — огромный пёс, породистый и умный, которого отец взял у офицера-летчика. Граф был обучен командам, но против стаи шакалов даже он был в опасности. Ахмед взял тяжелые вилы и подошел к псу.

— Слышишь, Граф? Хотят либо тебя, либо меня сожрать. Но я тебя не брошу. Будем стоять насмерть.

В темноте было видно как они окружали дом и участок, стороной рассредотачиваются. Их было больше десятка 15 штук, их видно в темноте по светящимся глазам. Я конечно в доме свет включил. Во дворе включил чтобы не было так темно, чтобы они не могли подкрасться врасплох, но их было видно по светящимся глазам так как у них они светятся в темноте. Они по одному по два рассредотачивались. Окружали надеясь на лёгкую добычу Они поняли что,

противостоят всего лишь ребёнку и одной собаке. Но Ахмед с графом стояли на чеку и были готовы, ко всему.

Ахмед крепко сжал древко вил, готовый принять бой, пока свет фар отцовской машины не разрезал темноту. Родители приехали вовремя. Выслушав рассказ сына, они не удивились: шакалы частенько подходили к жилью, воровали кошек и даже нападали на коров.

Но больше всего Ахмеду запомнился иной случай, открывший ему тайную мудрость природы. Как-то раз в доме вылупились цыплята — желтые, беззащитные комочки. Ахмед играл с ними, любуясь их хрупкостью. Мать-курица ходила рядом, на стрёме, охраняя потомство.

— Сынок, — сказала тогда мать, — тебе ведь нравятся цыплята?

— Очень нравятся, мам, — ответил Ахмед.

— Красивые они, да только кошка наша не даст им выжить. Она хищник, они для неё — дичь.

— Нет, мама, она умная, она не тронет!

— Я понимаю твою любовь к ним обоим, — мягко произнесла мать. — Но ты подумай хорошенько, взвесь всё, а потом скажешь мне своё решение.

Кошка в это время гуляла под столом и, казалось, внимательно слушала этот разговор. Ахмед лишь тихо ответил: «Хорошо, я подумаю». С того самого момента кошки в доме больше не видели. Никто её не выгонял, мать никуда не уезжала, отца с машиной не было. Кошка просто ушла, словно поняв слово Ахмеда и не пожелав становиться причиной раздора. Она ушла сама, гордая и обиженная, оставив мальчика наедине с его первым взрослым выбором. Так и жил Ахмед — среди змей, шакалов и верных псов, постигая законы чести в рыжей пыли колхоза Ленинград.

Глава 4 Графу посвящается

Другу моему Графу посвящается

Привёз отец собаку как-то в дом —

Военный лётчик уезжал по службе за бугор.

С собою взять не мог, расстались с трудом,

И долго был печален его умный взор.

Со временем, конечно, отошёл,

В кругу детей заботу и любовь нашёл.

С руки его кормили и любили,

Он всё ж служебный был и умный пёс.

Он дрессирован был, и звали его Граф,

С ним занимались и играли мы.

И вот пришла пора переезжать и нам

В чужую даль, в республику чужую.

И Графа мы оставили знакомой тёте Вали,

Она добрейшей женщиной была

И Графа с удовольствием к себе взяла.

Он заболел, поник и слёг, загоревал,

И есть, питаться напрочь перестал.

Воспитан хлеб не брать с руки чужого,

Не смог простить предательства второго,

Неблагодарности предательства людского.

Вскоре мы вернулись посмотреть —

Пёс дошёл, умирая, в глаза нам смотрел.

Но из наших рук пищу уже он не взял

И на наших руках предпочёл нам назло умереть.

Было мне восемь лет, что я мог изменить?

Но осело в душе, и не смог я забыть.

Плакал я за людей, было больно, обидно,

До сих пор на душе мне досадно и стыдно

Глава 5 Не оскорбляйте собак.

Не называйте люди псом собаку
Она за вас полезет насмерть в драку.
Она за вас и жизнь свою отдаст,
И не когда и не за что вас не предаст.
Собакой подлецов не называйте,
Друзей наших меньших не оскорбляйте.
Люди изменят, сдадут, продадут.
Собаки нам в верности фору дадут.
Друг бросит в беде, отвернется.
Обманет затем за спиной посмеется.
Собака к хозяину ближе прижмется.
И радостным лаем при встрече задьется.
Собак узнаю и становится стыдно,
За наших друзей и родных и обидно.
Собака животное, понятия нет.
Но кормящей руки не укусит,
И в дом пока жив не кого не запустит.
Вины на ней нет, что собакой родилась.
И в верного друга людям превратилась.
А люди рождаются вроде людьми,
А псами становятся не людьми,
Собаке бы памятник я поставил,
И рядом с людьми не когда бы не ставил.

Глава 6 Колхоз вымирающий.

И как известно, колхозы, конечно, в своё время уже доживали последнее времена, и было уже всем известно, что у них будущего нету, они уже разваливались, дышали на ладан. Как говорится все хозяйства, разворованные развал. В общем, бесхозяйственность. И разруха. Что исследовало от этих колхозов, от общих хозяйств Ожидать. В общем, мы жили на улице, у нас уже на улице оставалось 2 дома всего одни узбеки, узбекская семья жила и мы, а знаете же, если сады растут дома бросают, то вот эти все сады огороды.

Они же остаются и живут потом ещё десятилетиями, а там слива, вишня, яблони и любые, а большие деревья они не то, что как вот на севере, там кое-как дышат. Они до 2 трёхэтажного дома вырастают высотой. Вишня только выходит с каждого дерева по 11-13 вёдер больших десятилитровых вёдер вишни чёрен слива урюк до грецких орехов росло.

Растёт и сейчас до сих пор. И вот эти все огороды они свободные стоят, а есть же что-то деревья, сады, кустарники, они же растут потом десятилетиями, пока их. Ну, уже не одичают эти деревья. Даже и вот малина клубника-это все ещё годами приносит. Урожая и вот мы, конечно, лезем по чужим огородам там и в своём огороде, в принципе всего хватает, так что мы даже не затрудняли себя, ну просто интересно порой, мы же пацанята маленькие, нам интересно.

Полазить по домам, по заброшенным строениям и прочее, там же никто не вывозил, бросили дом с хоз постройками, и все прочее, и уезжают не так, как сейчас это сейчас могут до последнего. Кирпичика разобрать, увезти, а раньше было все дешево советское, все бросали как есть. Ну и вот мы жили так. У нас отец загнал бульдозера, заказал, но там за бутылку можно было водки, самогонки заказать бульдозер, бульдозер приехал у нас утки, были куры в хозяйстве коровы свиньи, все у нас было. И вот для уток нужен был водоёмчик пульдозерели вдоль нашего двора вырыл хороший большой котлованчик. И заполняется водой, чем сороков, там же речная система полива, растительная там на югах дожди редко бывают, поэтому все поливы там происходят через реки. Через каналы каналы большие строятся там специально, чтобы.

Пол страны-город, чтобы оно снабжало водой для полива, выращивается хлопок, овощи, чеснок, лук и все прочее деревья на это все нужна вода. И вот проводят от какого-нибудь большого водоёма канал его укрепляют бетонными стенами и вода идёт круглосуточно жара до 50 ° представляете, как этот. Эти каналы помогали и спасали от жары. Ахмед был такой с детства. Упёртый если нужно было преодолеть какую-то трудность, страхи, невозможность. Ахмед считал, что нужно это сделать, и у него даже был свой стимул. Стимулярный призыв. Он говорил: если ты себе, если ты это не сделаешь, значит, ты не мужик, а баба и приходилось, хочешь не хочешь, можешь не можешь делать это в любой водоёме искупаться в тени в глубине в течении.

Если он поставил себе цель, он это все делал, чтобы воспитывать себя свои страхи, свои физические возможности. Чтобы уверенно себя чувствовать по жизни и быть уверенным в себе, он себя заставлял через силу воли, это делать не было места, куда бы он не захотел залезть и не залез. Он всегда говорил все, возможно, все можно сделать, я могу все. И он делал все любые страхи темнота, мало ли в детстве страхов выходишь во двор, а там тьма, но в колхозе там нету фонарей, нету освещения на улицах, только что в доме есть вышел во двор страх.

Как будто кто-то тебя сейчас с лапой схватит и унесёт или порвёт или съест? И вот это вот не смотря на эти страхи Ахмед выходил в темноту, стоял в этой липкой тьме, где не видно ни звёзд, ни луны ничего и стоял и закалял себя. Уверенно себя чувствуя, что его никто не

схватит, не возьмёт, не заберёт и не утащит. И так же в омуте в каналах купаться, где-то залезть на любое дерево не было таких деревьев, на которые бы Ахмед не залазил.

Однажды Ахмед с сестрой собрались пойти на большевик, большевик-это канал за туттовыми полями. Был такой. Рабочий цикл. Туттовые поля высаживали специально их поглощали, туттовые шелкопряды, там выращивали шелкопрядов коконы личинки вот эти вот гусеницы их кормили этим самым туттовником и поэтому. Поля с туттовыми деревьями, но они такие деревья, они небольшие, не больше 2 м в высоту и такой же, и туттовник-это ягоды, как вроде бы малины, вроде крыжовника вот что-то между этим.

Есть зелёный сорт, но тоже спелый, вкусный, есть красный багрово, красный такой тоже сладкий, вкусный, но нас не устраивало это, и мы знали, что на Большевики, на канале прямо на берегу растут большие туттовники. Старые они с 2 трёхэтажный дом высотой и там большие ягоды и слаще и большие, и крупнее породистые. Так как они не в полях живут? Поливаются время от времени, а постоянно живут на берегу канала, на воде, и они вольно. Поливаются. И вот мы. Решили залезть на это дерево, сестра снизу ждёт, я собрался лезть на дерево. Дупло в дереве было на уровне колена, я только собрался ногу совать туда, чтобы залезть повыше сестра меня с ужасом.

Оттолкнула и говорит

-Ахмед, не лезь туда, там змеи,-

я заглянул в дупло, действительно там лежали 2 змеи парочка, они лежали мило, обнялись. Скрутились кольцами и ну спали или что-то там делали, может быть, у них брачный период, может быть, у них свадьба.

Яговорю, да у них свадьба сейчас, они добрые, я же не буду на них наступать. На край дупла только встану. -

А вся форма одежды у нас было босиком, лето жара такая, ну кому-кому бредёт голову носить обувь или прочая там одежда, трусы бои, вся форма одежды, если, конечно, в обуви было бы безопасн. Всё змея бы не прокусила через обувь, а тут босиком и тем не менее Ахмед. Встал, не побоялся на край этого дупла, подтянулся и залез наверх на сестре этого туттовника с огромного дерева, ну там крупные сладкие, а мы же дети.

Мы ж не догадались с собою взять там что-то, во что можно было насыпать, принести. Ну, мы сами вдоволь наелись. И сестра в подоле платье понесла домой, а он красный и зелёный, красный в платье цвет отдаёт, и больше оно его не отстираешь, в принципе это все мелочи были жизни. И вот таким махмет и рос. По колхозу ходил со своими перчатками боксёрскими отец, которые привёз, и он ходил боксировал с кем-нибудь все, кто пацаны встречались, дружили. Он отдавал одну перчатку, ему даже бывало правую, отдавал специально, чтобы левой, только левой, только работать. Ну и, в общем, чередовал вот так он рос в среде физического сопротивление всегда он боролся, всегда он дрался со всеми.

Этот котлован, вырытый отцом для утиног племени, стал для Ахмеда личным купелем, его собственной малой рекой, пусть и запертой в границах двора. Вода в нём, неглубокая и застоявшаяся, быстро превращалась в зловонную муть, густо перемешанную с утиным помётом. Но Ахмеда, чей дух алкал любого испытания, эта «грязь» не пугала. Пока солнце калило землю, он, не раздумывая, нырял в эту вязкую жижу, плавал среди перьев и нечистот, а после, довольный и облепленный тиной, грелся на раскалённом берегу, впитывая зной всем существом. Мать, завидев сына в таком обличье, всплескивала руками, и голос её дрожал от гнева и страха: — Опять в этой скверне! Посмотри на себя, Ахмед, с тебя же буквально сыплется это говно! Это же зараза, болезнь, неровен час подхватишь какую инфекцию, и что мы делать будем? — Она ругалась на чем свет стоит, суля кару небесную и земную. Ахмед при матери старался в котлован не соваться, делал вид, что внял увещаниям, но стоило ей отлучиться — природа брала своё. Он снова оказывался в мутной воде, наслаждаясь запретной прохладой. Единственным свидетелем и невольным сообщником была сестра Рая, что была старше

его всего на два года.— Вот увидишь, мамка узнает — шкуру спустит! — говорила она, качая головой, глядя на брата, вылезающего из утиног пруда. — Ну что ты за человек такой, всё тебе в эту грязь надо, всё тебе мало...Но в словах её не было злобы. Рая, несмотря на юный возраст, несла в себе ту тихую женскую мудрость и доброту, что воспевали поэты.

Поворчав для порядка, она принималась за дело. Сама таскала чистую воду, смывала с него присохшую корку грязи, оттирала докрасна и, убедившись, что брат снова чист и пригож, укладывала его в густой тени отдыхать. Она была его ангелом-хранителем в том суровом, пыльном мире, укрывая своей заботой от материнского гнева и злой хвори.

Так закалялся Ахмед — через пот, грязь и кровь, через страхи и запреты, ведомый упрямой мечтой стать не просто мужиком, а человеком, способным вынести любую тяжесть, которую подбросит жизнь. Его детство пахло тутовником, речной водой и парным молоком, но в этом аромате уже отчетливо проступал запах будущих битв и великих свершений.

Глава 7 ПЕРЕЕЗД В КАЗАХСТАН.

В общем, поехали в Казахстан в город Джамбул, тогда назывался сейчас, он Тараз поехали сами на буханке узике отцовской, тогда тоже опять работал на буханке. И они до Джамбула из Ташкента ехали. Своим ходом. Вещи, конечно, что-то там взяли, основное.

Четыреста километров на честном слове

Переезд никогда не бывает просто перемещением из точки А в точку Б. Это маленькая смерть прежнего уклада и мучительное рождение нового. Когда у ворот дома застыл огромный пятитонный контейнер, казалось, что в его железное чрево войдет вся наша жизнь. Но вещи обладают странным свойством: в стенах дома они кажутся незаметными спутниками, а стоит начать их выносить — они разрастаются, заполняя собой всё пространство двора. Контейнер был забит под самую крышу, двери закрывались с трудом, а во дворе всё ещё сиротливо стояли узлы, коробки и кое-какая мебель, которая наотрез отказалась покидать насиженное место.

— Всё не влезет, — вынес вердикт водитель, вытирая пот со лба.

Выхода не было. Оставлять нажитое годами было жаль до боли, поэтому остатки нашего скарба решили грузить в старый верный УАЗик. Эта машина, видевшая виды, в тот день превратилась в некое подобие ковчега. Мы забивали его так, будто нам предстояло кругосветное путешествие по необитаемым землям. В проходы втискивали сумки с одеждой, на сиденья наваливали одеяла, а сверху, под самый потолок, укладывали то, что побоялись доверить железному контейнеру.

Мы крепили всё намертво, используя каждую верёвку, каждый кусок шпагата, что нашёлся в гараже. «Главное, чтобы на ухабах не поехало», — командовали мы, подпирая тяжёлый комод ящиком с посудой. В итоге салон стал напоминать лабиринт из коробок. Когда пришло время садиться самим, оказалось, что места для людей практически не осталось. Мы буквально ввинчивались в узкие щели между тюками и коробками. Каждый из нас сидел, выражаясь по-простому, «на пол-булочки». Одна нога на весу, другая упирается в какой-то ящик, локоть плотно прижат к холодному стеклу двери. В таком положении нам предстояло преодолеть триста шестьдесят километров — расстояние, которое на пустой легковушке пролетаешь за несколько часов, но на перегруженном УАЗике оно обещало стать вечностью.

— Ну что, удобно устроились? — хмыкнул кто-то из нас, пытаясь хотя бы немного выпрямить затекшую шею.

— Как в бизнес-классе, — отозвались из глубины тюков, где зажатый между двумя чемоданами человек даже не мог пошевелить рукой. Все рассмеялись, хотя смех этот был нервным.

Машина тяжело просела на рессорах. Колеса, казалось, с трудом проворачивались под тяжестью нашего быта. Когда мотор наконец чихнул и затарахтел, по кузову прошла мелкая дрожь, передавшаяся каждому из нас. Мы тронулись.

Дорога на Джамбул разматывалась перед нами пыльной лентой. УАЗик шел натужно, на каждом ухабе подпрыгивая всем своим грузным телом. Мебель внутри недовольно поскрипывала, посуда в коробках отозвалась тонким звоном, а мы, зажатые со всех сторон, старались не шевелиться, чтобы не нарушить этот хрупкий баланс вещей и людей. Тряска была такая, что через час пути тело начало неметь. Затекшие ноги и зажатые спины напоминали о себе тупой болью, но мы только переглядывались — каждый понимал, что этот путь нужно просто выдерживать. УАЗик будто чувствовал нагрузку: он жадно глотал ямы, переваливался через выбоины, порой казалось, что он вот-вот «вздохнёт» и остановится, но продолжал тянуть своё бремя.

Окна были открыты настежь, но спасения это не приносило. В салон вместе с ветром врывался запах раскаленного асфальта и сухой степной пыли. Чем дальше мы продвигались на юг, тем гуще становился воздух. Пейзаж за окном неумолимо менялся. Пропадала привычная зелень, степь становилась жестче, выжженной, приобретая тот самый золотисто-коричневый оттенок, который предвещает близость настоящей южной жары.

Каждые сто километров мы делали короткую остановку. Вываливались из машины, как мешки с песком, пытаясь вернуть чувствительность конечностям. Но стоило взглянуть на наш переполненный «автомобиль», как на лицах появлялась странная улыбка. Мы везли с собой не просто шкафы и кастрюли — мы везли свой дом, по кусочкам, по щепочкам, отказываясь оставлять прошлое позади.

Триста шестьдесят километров — это много, когда под тобой не сиденье, а край табуретки, прикрытый старым пледом. Это много, когда над головой нависает рулон линолеума, а под ногами стоит ящик с инструментом. Но дорога имеет свойство заканчиваться. Когда на горизонте начали проявляться контуры Джамбула, а в воздухе отчетливо потянуло запахом больших садов и восточных базаров, в кабине стало легче дышать.

В город мы въезжали уже в сумерках. Горячее дыхание Джамбула окутало нас, как тяжелое одеяло. Машина, пыльная и уставшая не меньше людей, медленно катилась по городским улицам. Когда мы наконец остановились у конечной точки и мотор заглох, наступила такая оглушительная тишина, что в ушах еще долго стоял гул пройденного пути. Мы доехали. Мы перевезли всё до последней нитки. И пусть спины ныли, а ноги отказывались слушаться — главная битва за переезд была выиграна. Впереди был новый город, новый зной и новая жизнь, начавшаяся с этого изнурительного, но честного пути в тесном УАЗике. Теперь, стоя посреди незнакомой улицы, мы знали — мы справимся со всем, если смогли преодолеть эти километры, стиснув зубы и держась друг за друга.

Глава 8 джамбул.лето.

город перекрестков

Джамбул... Город перекрестков, знойный юг Казахстана, где само солнце, кажется, испытывает человека на прочность, разогревая воздух до сорока градусов. Его называют «среднеазиатским Чикаго», и в этом есть своя суровая правда. Здесь воздух пропитан историей, здесь, как и в древности, сходятся караванные пути, где когда-то шли путники из Индии, и Китая, Азии и Египта. А сегодня пульсирует жизнь современного индустриального центра. Здесь, на Зеленом базаре, всегда пахнет специями и гостеприимством, здесь переплетаются судьбы народов, и в этом плавильном котле культур беспредела нет, есть лишь закон человеческих отношений.

Город невелик, но опрятен, полон зелени и жизни. В жаркие дни спасение ищут у озер — Комсомольского и Пионерского. Они сливаются воедино, соединенные мостами и протоками. В мелком, «детском» Пионерском резвятся малыши, а в Комсомольском, где вода глубже, стоят вышки, и мужики, уверенные в себе, ныряют в прохладную гладь. Дамба надежна, вода в ней чиста, постоянно фильтруется, приходя из реки Талас. И Талас — это особая гордость Джамбула. Река, бегущая из Киргизии, проходит через ГРЭС, где турбины превращают холодный горный поток в теплую, живую стихию. Мы купались в ней даже на Новый год, и вода, согретая промышленным дыханием города, казалась чудом. В этой реке, среди огромных деревьев, находили покой и отдых, а порой, если повезет, и улов, что казался даром самой природы.

Джамбул — это город-труженик. Здесь всё свое: химзаводы, суперфосфатные комбинаты, сахарный завод, спиртоводочные мануфактуры. Мы сами выращивали свеклу, сами производили сахар, ликеры, пиво, шампанское. Город кормил себя сам, он стоял крепко, как старый караван-сарай, готовый принять и поддержать любого путника. Но главное в Джамбуле — это не заводы, а люди. Пацаны здесь — с понятием. Если идешь с девчонкой, тебя никто не тронет, не задирает, даже если есть старые счеты. Это негласный закон чести. Ты проводишь её, возвращаешься один — и только тогда, если нужно, могут состояться серьезные разговоры. Но подвальных крыс здесь не жаловали. Пацаны стояли на виду, на перекрестках, обсуждали жизнь, строили планы. Проходя мимо, можно было легко получить претензию, но стоило подойти, поприветствовать «салам по рукам», проявить уважение, как незнакомец становился своим. В Джамбуле, если ты человек — ты свой. А если ведешь себя как черт, прячешься, юлишь — то и участь твоя была предрешена: бегать за сигаретами, терпеть насмешки, платить за других.

Ахмед приехал сюда мальчишкой, восьмью лет от роду, второклассником. У него уже тогда была в глазах искра, а в сердце — стержень. Ему предстояло еще завоевать свое место в этом обществе, заявить о себе. А начиналось всё с малого. Возле дома был пустырь, заваленный строительными плитами и мусором — место раздора между жителями и теми, кто не гнушался бросать отходы. Однажды Ахмед, гуляя там, увидел нечто странное. Из-под плит, видимо, от брошенного мусора, поднялся дымок. А следом, как викинги, на пустырь выскочили двое пацанов с деревянными мечами в руках — юные «пожарные» в поисках виноватых. Налетели, начали предъявлять: «Ты что, костер жжешь? Нельзя же!». Ахмед, хоть и мал был, но в обиду себя не дал. «Не я это», — отрезал он. Но те не слушали, нагнали. И тогда Ахмед, недолго думая, схватил простую палку. Сцепились. Как мушкетеры — двое с мечами против одного с палкой. Фехтовали, смеялись, сбивали спесь друг с друга, а потом — слово за слово — и подружились. Одного звали Игорь, он был на год старше, другого — Вася Грищенко, на два года.

Игорь был совсем иной породы: начитанный, грамотный, сын машиниста. Он рассказывал Ахмеду о звездах, о космосе, о великом устройстве Вселенной. Учил играть в шахматы, открывал тайны мироздания. А Вася — тот был силой, мощью. Родители дружбе этой не пре-

пятствовали. Мы играли в войнушки, стреляли из самодельных рогаток бумажными пулями, палили из трубок горохом. Такой бардак в доме устраивали, что потом, услышав шаги родителей, в панике наводили порядок, лишь бы не попасть под горячую руку. То была светлая пора, время, когда дружба еще не знала взрослых обид. Но жизнь не стояла на месте, и скоро эти мальчишеские игры должны были смениться суровой школой жизни.

Глава 9 Вокзальный университет

Школа встретила нас шумом и гамом вокзальной суеты. Это была не просто «альма-матер», а настоящая «правилровка» — вокзальная школа, где жизнь кипела по своим, порой жестким законам. Здесь каждый день был проверкой на прочность. Наш «1-Б» — класс, прозванный между нами «бандитами», — соседствовал с параллельным, который окрестили «алкашами» класс 2А. С первого же учебного дня стало ясно: здесь не учат, здесь выживают. Уроки — уроками, но иерархия выстраивалась не на оценках в дневнике, а на умении держать удар, постоять за себя и «бакланить» так, чтобы тебя уважали.

Моя жизнь была обусловлена этим ритмом. Вокзал есть вокзал: вокруг полно точек, где жизнь пахнет тестом и мясом. Мантовницы, пельменные — вот где решались главные вопросы. Сачкуешь с уроков или идешь мимо вокзала — обязательно заглянешь за пирожком или порцией горячих мант. Там, в этом дурмане пара и людской толчеи, ковалась наша судьба. Школьные драки, разборки, первые победы и поражения — всё это происходило на фоне вечного гула поездов, увозящих людей вдаль, пока мы врастали корнями в эту землю.

Я в классе был самый маленький. На школьной линейке стоял предпоследним, едва возвышаясь над Саней Шилкиным. Кто-то мог бы счесть это слабостью, но в моих руках и в моих глазах был ответ всем скептикам. Рост — это лишь цифра, а вот дух — это величина постоянная. В классе верховодил «шишкарь» — Витек, парень, которого считали непобедимым. Костяк из четырех-пяти таких же «оторванцев» держал в страхе весь класс. И я понимал: если хочу занять своё место под солнцем, мне придется через них пройти. Либо ты съедаешь, либо съедят тебя.

День «икс» настал. Мы договорились выскочить за трансформаторную будку. Место — идеальное: скрытое от глаз учителей и лишних свидетелей, где пацаны обычно прятались покурить или поиграть в карты. Витек вышел уверенный в себе, здоровый, крепкий, прощупывал меня взглядом, как добычу. Он ждал, что я сейчас сдам назад, что я испугаюсь. А у Ахмеда была своя тактика. Он называл ее тактика барана. Так же баран отходит назад до нужной дистанции необходимой для разбега.

Если враг превосходит в силе и габаритах, идти в лоб — самоубийство. Ахмед начал пятиться. Пятился, пятился, создавая иллюзию отступления, будто вот-вот развернется и убежит. Враг наступал, расслабляясь от предвкушения легкой победы, его внимание притуплялось. И в тот момент, когда расстояние стало критическим, Ахмед взрывается. Резкий, молниеносный рывок вперед, превращающийся в сгусток ярости. От такого натиска у противника подкашивались ноги, он терялся, не успевая принять решение.

Он влетел в него, как ураган. Удары сыпались градом — десятки, сотни, всеми конечностями. Это был непрерывный прессинг, в котором не было места сомнениям. Он не давал ему дышать, не давал осознать, что происходит. В этой рубке были свои правила: палки и камни — табу, только руки и ноги, только чистый мужской бой. Зубы и ногти — бабье оружие, среди их такое презирали. Пока противник не спасовал, пока не согнулся под градом ударов, он не останавливался. А когда он, ошеломленный и сбитый с толку, склонялся в три погибели, в ход шло колено — прямо в нос, в лоб, в самое уязвимое место. Его подкинуло и он приземлился на задницу прямо на грязь и харчки, он сидел держась за разбитый нос и зубы и всё — вопрос был решен. Без сомнений, пацаны стояли в тишине с открытыми ртами, забыв что они у них закрываются.

После того боя Ахмеда начали замечать. Никто уже не смотрел на него как на «мелкого», как на пустое место, другие побаивались, некоторые сторонились. Он отвоевал свое право быть собой. Но это еще не многое решало в иерархии шишкарей. Пацаны есть пацаны и естественно каждый мог проверить на себе, стойкость и силу. Надеюсь что это ошибка или недоразумение и

что вот я может и поставлю его наместо. Хотя и тот же Витек еще потом пытался свой реванш забрать, тоже не веря в свое поражение. Соседи, женщины, мужики — на улице меня начали уважать за справедливость и готовность всегда прийти на помощь. Я не искал драк, но если они случались, я всегда разводил их, мирил людей, ставил на место зарвавшихся. Я был с ними, был своим. Я всегда со всеми здоровался был вежлив и общителен.

Мои друзья — Игорь, верный книжник, и Серега Беспалый, который прошел через боль и остался человеком, — стали моей опорой. Мы были детьми вокзальной школы, где понятия чести стали нашим главным законом, а каждый день — проверкой на прочность. Я учился жить по совести, и это был только первый кирпич в фундаменте того Ахмеда, которого знали в школе.

Глава 10 Рост и уважение

Так уж заведено: мальчишеская жизнь — это бесконечное полотно борьбы, расстеленное от шумных столичных улиц до самых тихих деревенских окраин. Везде, где бы ни оказывался пацан, царит один и тот же неписанный закон: хочешь занять место под солнцем — умеи его отстаивать. Да и во всем мире так. Для учителей, деректоров это не доступно и не известно как и девочкам в классах. А у пацанов своя жизнь, свой мир, свои законы. И не кто их не изменит. Потому, что нет им входа в этот мир взрослым. Хочешь оставаться на уровне — доказывай это каждый божий день. Чуть ослабишь хватку, сдашь позиции, просадишь момент — и всё, покатишься по наклонной. Смолчишь там, где нужно отвечать твёрдо, и тебя начнут морально подавлять, загонять в тень, пока не опустят до положения черта. Чтобы расти уверенно, нужно стоять намертво, иначе тебя просто сметут, сотрут в порошок, не оставив права на собственное слово и не только стоять а продвигаться постоянно вперед и выше. Как только досиг мертвой точки то идет уже деградация. Ахмед это знал с раннего детства, впитывая правила улиц вместе с пылью дорог.

Саня Шумяк был из тех, кто знал этот закон не понаслышке. Он появился в классе недавно, но быстро заявил о себе как парень волевой, крепкий, стоящий на той же ступени, что и Ахмед. Саня был выше, массивнее, шире в плечах, и, видимо, решил проверить Ахмеда на прочность после того самого «махалова» с Витьком, которое прогремело на всю школу. Саня жаждал признания, хотел доказать, что в этом классе появился новый лидер. В один из дней он перешёл черту: слово за слово, и он дерзко задел сестру Ахмеда, бросив в её адрес обидное слово, которое нельзя было спустить на тормозах. Ахмед не стерпел. Он резко остановился, вскинулся, глянул врагу прямо в глаза — холодно, без тени сомнения — и, отрезал:

— Что выскочить, хочешь вперёд?

Саня согласился мгновенно, словно ждал этого вызова, как ждут весеннего грома в степи. Они начали искать место — подальше от глаз учителей, подальше от лишних ушей. Выбор пал на пустырь возле трансформаторной будки. Там, где работяги-электрики вечно что-то колдовали над гудящими проводами, воздух был пропитан запахом озона и канифоли. Но решили уйти еще дальше — за школу. Там, за тыльной стороной здания, где окна кабинетов смотрели в пустоту, можно было найти укромный уголок, скрытый от мира.

Они пошли туда, а за ними, словно тени, — стайка любопытных пацанов. Естественно, им хотелось зрелищ: поглазеть, поболеть, проанализировать схватку, чтобы потом пересказывать её в подробностях. Местечко нашлось: половина площадки заасфальтирована, а дальше — отмотка у стены, переходящая в сырую, липкую грязь.

Саня занял позицию на асфальте, выше Ахмеда. Он получил преимущество высоты, а Ахмеду, мелкому, пришлось атаковать снизу. Но что делать? Инициатива — вот единственное оружие, способное решить исход дела. Ахмед, не давая ему ни мгновения на раздумья, не позволяя собрать мысли воедино, резко сократил дистанцию. Удар справа, с ноги — прямо в печень.

Ахмед владел ногами мастерски: мог бить выше своего роста, боксировать, сохраняя безупречную устойчивость. На одной ноге он лавировал, словно опытный танцор, и тут же добавил — левой, второй, правой. Начался «барабанный бой»: кулаки летели, достигая скул, ушей, перепонки противника. Ахмед зажимал его, притеснял к стене, не давая ни вздохнуть, ни закрыться. словно вихрь, он наносил удар за ударом — за полминуты Ахмед вложил в него около сорока точных, чувствительных попаданий. У противника изнутри пробило щеку, пошла густая кровь, окрашивая асфальт.

Ахмед продолжал нападать, и в один из моментов противник, уходя от града ударов, отступил и... врезался в школьное окно. Очередной выпад Ахмеда пришёлся точно в скулу, и с грохотом, словно рухнул небосвод, посыпалось стекло. Противник порезал голову.

Тут Ахмед, мгновенно забыв о вражде, подбежал, обнял его, оттащил от осколков. Осмотрел глубокую рану, помог добраться до крана, где из поливалки с несколькими сосками всегда текла холодная вода. Они смыли кровь, привели Саню в порядок. Тот всё ещё сплёвывал сгустки, поглядывая на маленького, злого татарина с нескрываемым удивлением: он до конца не мог понять, как всё закончилось именно так.

Ахмед протянул правую руку. Саня, тяжело дыша, ответил крепким рукопожатием.

— Ты достойно бился, дружище, — сказал Ахмед, сдерживая дыхание.

— Да ладно, завязывай, — буркнул Саня, вытирая лицо.

— Зато всё по-пацански, — Ахмед хлопнул его по плечу, обнял за шею, и они двинулись обратно. Звонок уже прозвенел, они опаздывали на урок.

— Вперёд, по партам! — скомандовал Ахмед.

И с того дня другие пацаны стали смотреть на Ахмеда иначе — с опаской и явным уважением. Так он пробивал свой путь: тернистый, кулачистый, путь настоящего пацана.

Ахмед никогда не жаловался братьям, хотя они были старше и давно выросли из школьных лет. Он привык стоять за себя сам. Братья, будто связывая его узлами в три погибели, выработали в нём гибкость, пластику, силу и поразительную вёрткость. У него никогда не было фингалов. Может, дело в генетике, а может — в редком даре реакции. Если Ахмед чувствовал, что удар неизбежен, он всегда успевал уклониться, нырнуть вперёд или отступить, гася силу удара ещё до того, как тот наберёт свою разрушительную мощь. Это умение выживать, эта природная «заточенность» под борьбу, в которой он рос, закаляли его дух, делая его крепче день ото дня, шаг за шагом, заставляя мир вокруг считаться с тем, кто он есть. Ни одна преграда не казалась ему непреодолимой, ведь каждый шрам, каждое движение — это был опыт, который он впитывал, как губка, готовясь к новым испытаниям, что жизнь готовила для него впереди.

Глава 11 Мать.Святая обитель материнского сердца

Мать... Это слово — первое, что произносит человек, и последнее, что шепчут губы в час испытаний. Это самое святое, что есть в семье, после Бога, конечно. Мать Ахмеда сама немало горе повидала. Она была родом из Аймиконского района — места сурового, пожалуй, самого лютого во всем Советском Союзе. Там морозы доходили до шестидесяти градусов и более, и лишь люди особой закалки могли выжить в таком климате. Это были настоящие сибиряки, крепкие духом и телом.

Отец Ахмеда был человеком иного склада — крутым и резким. История его жизни напоминала авантюрный роман: говорят, когда-то он дезертировал из штрафбата, направлявшегося на освобождение Польши. Тогда он прихватил с собой пару маузеров — лучших пистолетов тех времен, что выдавались комиссарам, — да ведро патронов, и рванул в Ташкент, в «город хлебный». Так его называли не зря: это был самый стабильный и благодатный край, где всегда было тепло, урожаи собирали щедрые, и голод был не страшен. Там, в Ташкенте, они с матерью осели и прожили бок о бок тридцать лет.

Мать же большую часть жизни провела в колхозе вместе с детьми. Она много работала на полях, убирала хлопок и обрабатывала землю. В её руках верным помощником всегда был текмень — старое, надежное орудие труда, которым она искусно возделывала почву. Помимо колхоза, она тянула на себе всё домашнее хозяйство. Отец в это время жил в самом Ташкенте, работал водителем — возил то шефа, то на асфальтовых работах, — и долго нигде не задерживался. К семье в колхоз он приезжал раз в неделю, а то и реже. Когда заезжал во двор, открывал кабину, дети радостно встречали его, помогая разгружать продукты: арбузы, дыни, помидоры. Рая, сестра Ахмеда, к этому была равнодушна, а вот Ахмед любил кататься с отцом по городу. Под машиной, на машине — так он и рос, познавая дороги и характер города.

Кстати, родился Ахмед в пути. Мать почему-то хотела рожать у сестры, и Ахмед, будучи беспокойным еще в утробе, поспешил появиться на свет прямо в дороге. Мать сняли на скорую помощь, так и состоялось его рождение.

Она была добрейшей души человеком. Доходило до того, что она даже курице или утке голову отрубить не могла — этим с детства занимался сам Ахмед. Кроме мух, она никого в жизни не обижала, но с мухами у неё был разговор короткий. Жили они в своем доме, хозяйство было богатое: утки, куры, свиньи. В Ташкенте жара стояла нещадная, и мухи кишели повсюду. Мать покупала в аптеке хлорофос, разводила его в ведре и с веничком обходила двор, сбрызгивая самые грязные места, где скапливались насекомые. В доме же царила идеальная чистота. Дихлофосом набрызгает, проветрит, а окна плотными шерстяными одеялами занавесит. И снаружи хоть солнце палит, а в доме — прохлада, тишь да покой. Ахмед с детства привык к этой чистоте: если на простыню попадет песчинка, он чувствовал это всем телом. Точно так же она справлялась и с комарами — в доме их практически не было.

Каждый год мать делала запасы: маринады, соленья. Вытащит бывало банок двадцать-тридцать из старых запасов и велит детям: «Разнесите по соседям, по нуждающимся, кому надо, только банки назад верните». Тара тогда была в дефиците, но она всегда делилась тем, что имела. Семья держала свиней, никогда не откармливая их до огромных размеров — резали по три-четыре пятимесячных поросенка в год. Мать всё делала своими руками: кишки промывала, колбасы, рулеты, сало — всё было свежее и добротное. Холодильник у них никогда не пустовал.

Она вставала, наверное, часов в пять утра, хлопотала по хозяйству, собирала детей в школу, а потом сама успевала на работу. Она никогда не ругала детей, не била, а от отца —

человека резкого — старалась их прятать, неставляла напоказ детские грехи. Будучи русской, она была христианкой и с малых лет привила детям веру в Христа. Отец же, хоть и был обрезанным, не читал намаз, не знал Корана, и всё его религиозное рвение сводилось к «Аллах Акбар» перед едой. Мать же рассказывала детям случаи из жизни, через которые они сами осознавали, что такое добро и зло.

В семье было шестеро детей. Ахмед был младшим. Рая, сестра, страдавшая эпилепсией из-за тяжелой беременности матери, часто падала в обморок, нигде не могла удержаться на работе и сильно переживала. Были братья: Ромка, Саша, Коля и Вовка — первенец. Некоторые дети умерли во младенчестве, как это часто случалось в те времена.

Отец, пристрастившись к спиртному, становился невыносимым. Он разводил спирт с водой, после чего превращался в другого человека, мог учинить допрос детям. Мать, вначале любившая его, потом стала бояться, но долго терпела ради детей. В конце концов, когда семья жила в Джамбуле, она развелась с ним, потому что жить с таким человеком было невозможно.

Ахмеда мать хотела родить, хотя, как признавалась, поначалу пыталась избавиться — пила ядовитую хину. Но он выжил. И пусть он не считал себя писанным красавцем, но обладал таким обаянием, что женщины плакали по нему, дрались за его внимание. Ахмед никогда не винил мать. Ни он, ни братья, ни сестра не смели ей грубить. Она была для них постаментом святости.

Даже в зрелом возрасте, когда Ахмед, будучи в тюрьмах и зонах, порой срывался на мат при матери, ему становилось невыносимо стыдно, он краснел и просил прощения. А она, набожная, сразу просила у Бога прощения за любой грех. Ахмед же всегда пытался оправдать любого человека: «Мама, ну может, он не успел, может, занят был...». А она смотрела на него с любовью и говорила:

— Ты у меня один такой добрый, сынок. Всех хочешь пожалеть, всех прикрыть. Только тебе я свою старость смогу доверить.

Глава 12 Маме посвящается

Носовой Татьяне Ивановне.

Эти строки я маме хочу посвятить.
Мне любви её нежной святой не забыть.
Сколько выпало ей терпеть и страдать?
Только мама способна так предано ждать.
Сколько горя и слез в жизни выпало ей?
Благодарности песнь. Посвящаю я маме своей.
Она тепло своё и доброту в меня вложила.
Сама же заболела и до встречи, не дожила.
Господь Всевышний мой милый Бог.
Скажи, чем я помочь бы моей маме мог?
Мои молитвы ты прими её благослови
Грехи отпусти в свою обитель запусти.
За нас она страдала, мучилась болела.
За нас немало бед и горя претерпела,
Благословенна богом, будь всегда.
Молить я Бога буду неустану за тебя.
Прощения за все прошу я у тебя.
Земной поклон тебе кладу я.
И будь спокойна, мамочка моя.
Твоя любовь и доброта была не зря.
Твою любовь сквозь жизнь, я пронесу.
И до людей с избытком донесу.
Твоё терпение, верность вознесу.

Глава 13 Сестра Рая. Кровь родная.

Татарин

Ахмед, будучи ещё учеником вторых и третьих классов, успел снискать славу, что гремела далеко за пределами их школьного двора. За два года он воздвиг вокруг своего имени крепость, неприступную для завистников и недоброжелателей. С одноклассниками вопрос был решён давно: все признали его первенство. Параллельные классы, окутанные своей суетной жизнью, не вступали в открытое противостояние — Ахмед и его окружение были единоличными хозяевами территории.

Ученики старших классов, подростки шести-семилетки, а то и десятиклассники, видели в Ахмеду не просто мальчишку, а равного. Они искали его общества, жаждали зрелищ, словно римские патриции, ожидавшие выхода гладиатора на арену. Стоило Ахмеду появиться во дворе, как раздавалось: «Татарин! Ахмед, покажи класс!».

Он никогда не искал слабых. Бить тех, кто неспособен к сопротивлению, казалось ему делом недостойным, бессмысленным — словно ломать тряпичного зайца. Ахмеду был нужен вызов, противник, способный яростно защищаться, ибо только в честном, тяжёлом бою он рос, закалял волю и укреплял свой авторитет.

Однажды в часы продлёнки, когда школа затихала под гнётом уроков, Ахмед решил отыскать достойного соперника. Глаз его упал на Саню Маззина. Тот сидел за партой, сосредоточенно корпя над тетрадями, и, казалось, был совершенно не готов к схватке. Ахмед подошёл к нему без лишних слов.

— Пойдём побакланам, — бросил он, не оставляя права на отказ.

Саня, ошарашенный дерзостью, попытался сослаться на домашнее задание, но Ахмед не привык слышать «нет». Схватив противника одной рукой за шиворот, а другой — за ремень, он вынес опешившего парня на улицу, к песочнице, служившей им импровизированным рингом. Там, под взглядами собравшейся публики, завязалась драка. Это был не просто мордобой, а столкновение характеров. Ахмед, действуя расчётливо и точно, сломил моральный дух соперника, заставив того признать своё поражение.

Но тут на арену вышел Игорь, брат Сани, старше их на два года. Спортсмен, боксёр, крепкий парень. Он потребовал сатисфакции за брата. Ахмед не дрогнул. «Да похую», — ответил он, принимая вызов. Кулачный бой не приносил успеха, и тогда Ахмед, понимая, что в чистом боксе противник силён, перевёл схватку в борьбу. В клинче он вымотал Игоря, уложил его на лопатки, пригвоздив к песку. И хотя Игорь, не зная правил борьбы, упорно отказывался признавать поражение, молча лежа на песке, Ахмед не стал добивать лежачего. Он просто поднял его, как пушинку, и вновь бросил на песок, словно ставя точку в этом поединке. Толпа ревела, вознося «Татари́на» до небес.

В школьных коридорах Ахмед был фигурой двойственной. Для учителей он был надёжной опорой. Преподаватели знали: если в классе Ахмед, там будет порядок. К нему обращались, как к миротворцу, прося приструнить озорников перед приходом комиссии. Он учился без напряжения, схватывал на лету любую науку, будь то английский или физика, и учителя ставили его в пример даже самым прилежным отличникам.

Ахмед был и защитником. Он питал слабость к красивым девчонкам, и те отвечали ему уважением. Они знали: стоит пожаловаться Татарину, как справедливость восторжествует. Впрочем, девчата и сами не были робкого десятка: случалось, собирались толпой и устраивали «тёмную» обидчику, оставляя Ахмеда лишь наблюдать за этой женской расправой с нескрываемым удивлением.

Финальным аккордом того периода стала история у школьного водопоя. Группа заносчивых старшеклассников, решив, что им всё дозволено, грубо оттолкнула безобидного отлич-

ника, стоявшего в очереди к фонтанчику. Ахмед, стоявший неподалёку, такого спуска не дал. Одно плечо — и трое обидчиков отлетели прочь. Началась заваруха. Ахмед стоял один против троих, встречая их ударами, расчётливо и твёрдо. Но когда казалось, что силы неравны, из ниоткуда возникла Рая, его сестра. Она влетела в гущу драки, как ураган, размахивая портфелем, и вместе с братом они обратили противников в бегство.

Случались и другие дни, когда Ахмед оказывался в нужном месте в нужный час. Как-то раз, возвращаясь из школы, он шёл через парк железнодорожников, мимо старого клуба. Впереди, среди аллей, он приметил Раю — она ходила по траве, собирая жёлуди под вековыми дубами. Ахмед хотел было окликнуть сестру, как вдруг заметил неладное. Из-за дерева, прячась и крадучись, за ней следовал какой-то парень. Было видно — у незнакомца созрел недобрый умысел. Он перемещался от дерева к дереву, сокращая дистанцию, пока не нагнал Раю у здания, где когда-то был тир для мелкокалиберных винтовок.

Там, в густой тени деревьев, парень внезапно набросился на неё, вцепившись в ремни школьного ранца. Рая, скованная весом сумки и неожиданностью нападения, не могла вырваться — обидчик держал её крепко, с силой разбалтывая из стороны в сторону. Ахмед, не раздумывая ни секунды, бросился на выручку. Короткий, точный удар в область почек, затем резкий пинок — противник охнул, хватка ослабла. Рая, поняв, что брат рядом, мгновенно сбросила ранец и, не теряя ни минуты, включилась в схватку. Вдвоём они, что называется, «окучили» наглеца так, что тот, не помня себя, бросился наутёк на четвереньках, едва успевая перебирать руками и ногами. Ахмед и Рая стояли, тяжело дыша, глядя друг на друга. Молчание длилось секунду, а затем их прорвало. Они расхохотались — искренне, беззаботно, — и так, пересмеиваясь, дошли до самого дома.

Глава 14 Медоед

Пацаны взросляки, старшаки меня называли еще одним прозвищем -Медоед. Один с 9 класса Артур говорил

- Ахмед ты как медоед безбашенный в отношении драки. Ты не боишься, не тормозишь прешь на любую толпу один. Не думаешь что тебе достанется, как танк. Из зверей такой один есть Медоед. Он не хищник в принципе, но все звери и хищники тоже ломаются от него. Даже стаей. Тебе что вообще пофигу?-

-Маган похую, - Отвечал я по казахски .-В татарском языке нет слова назад, если что повернулся и опять -Алга (вперед).

Секрет неуязвимости медоеда скрыт в его шкуре. Ее толщина достигает 6 миллиметров. Она плотная, как резина, и при этом невероятно эластичная. Если леопард хватает зверя за загривок, медоед просто проворачивается внутри собственной кожи и впивается врагу в морду. Его когти — это орудия выживания, способные рыть твердый грунт и наносить глубокие рваные раны.

"Медоед — это концентрат ярости. Он не признает авторитетов. В моей практике были случаи, когда даже опытные псы-охотники пасовали перед такой решительностью. Зверь идет до конца, не оставляя противнику шанса на тактическое отступление".

Даже опасные животные стараются не связываться с этим дебоширом. Львы обходят медоеда стороной, понимая, что цена победы будет слишком высокой: глубокие раны и риск заражения крови. Медоед бьет в пах и морду, используя низкий рост как преимущество в ближнем бою.

Иммунитет к смерти: как медоеды едят змей

Четверть рациона медоеда составляют ядовитые рептилии. Он охотится на кобр и черных мамб так же обыденно, как кошка на мышей. В то время как другие рептилии и млекопитающие погибают от одного укуса, медоед просто "отсыпается". После дозы яда он может впасть в оцепенение на пару часов, а затем встать и доест свою добычу. Его организм научился блокировать действие токсинов на клеточном уровне.

Главный враг Отсутствует (львы избегают стычек)Характеристика Особенность медоеда Толщина кожи До 6 мм (прочнее бычьей) Рацион Змеи, мед, личинки, мелкие копытные. Эффективность медоеда как охотника поражает. Пока барханная кошка выслеживает мелких грызунов, этот атлет вскрывает черепаший панцири. Челюсти зверя невероятно мощные. Он перекусывает кости и панцири так же легко, как другие хищники мягкое мясо.

Пацаны уважали Ахмеда за бесстрашие, не раз за все время он не отказался не от одного боя, бавало даже на 3-4 года старше все равно он рвался в бой и набивал морду противнику. А в детстве такой расход в возрасте оень даже большой и существенный, онажды на перемене Ахмед подходит в пацанам старшиками, салам, салам. Поздоровались

- как дела? Поинтерисовлся Ахмед. Хреново ответили пацаны. С залининскими стрелка надо идти бакланить, а ни кого нет из наших. вот мы только четверо.

А их? спросил Ахмед. -А хрен их знает может с десяток придет, может больше кто знает.

А что меня в расчет не берете? Ой татарин ты один, щегол. А их может 10-12 придет, а может и больше, Там лбы старшекласники все спортаки каратюги.

-Ну и что гасится что ли будем? прятаться от них?

-Ахмед тебе что ты в 3 классе. Тебе зачем это? Там старшаки от 8 до 11 классов. Тебе нафига это?

-А что ты думаешь меня честь нашей школы не волнует что ли? Стойте здесь не уходите.-

Сказал Ахмед и зашел в школу. Поднялся в класс. Там были в основном все пацаны которые из себя что то представляли-.

-Пацаны! Короче есть возможность отличиться перед родиной. Кто со мной тот герой, кто без меня тот паршивая свинья. Там грандиозная мочка предстоит, будем цыган долбить залининских. За честь нашей школы. Кто со мной признавайтесь.-

-А где мочка?- Спросил Шуляк.

В парке нашем,- ответил я-.

-Но у нас сейчас контрольная по мат-ке, ты думаешь нас отпустит математичка? Спросил Виталия.

-Будьте споки, я отмажу. Даже могу потом списать дать контрольку.

Короче кто со мной признавайтесь, выходи со мной кто идет- а кто не пойдет тот Баба. Заклучил я. -И пошел из класса.

Выходим из класса, Зинаида Ивановна идет уже в класс на контрольную.

Вы куда все собрались уже урок сейчас начинается? -Спросила она.

Я пацанам сказал

- Идите-

И показал рукой на выход. -Я говорю.-Зинаида Ивановна. Вы меня знаете? -Ну знаю.-

Я говорю-дело жизни и смерти. надо нам минут на 15-20. По зарез, показал ладонью по горло. Я отвечаю и отвечаю за контрольную. Все кто со мной напишут и затра же наши контрольки будут у вас на столе.

-Она говорит ладно Ахмедзянов только для тебя, я тебя знаю, ты не подведешь.-

Спасибо ответил я не подведу.

И мы пошли подходим к пацанам, я говорю вот шестеро, тут еще двое подошли из старших.

-Мы готовы - сказал я.

Они посмотрели на нас с кисляком (с кислыми минами).

-Да ты что Ахмед дет сад, Ты еще ладно, бакланишь. А они что делать будут?-

-Даже если они просто будут мешаться под ногами, уже польза будет. -Сказал я.

Ладно покатили, и мы пошли.

Глава 15 Медоед рвет.

Глава 1: Честь «детского сада»

Шли они спокойно, не ведая суеты, размеренным шагом приближаясь к парку. Сень деревьев манила прохладой, но воздух уже был пропитан предчувствием грозы. Когда друзья ступили на аллею, враги уже ждали их. Было их девять рыл — не меньше. Все, как на подбор, статные, здоровые сволочи, в самом соку юности: девятые да десятые классы, а может, и из восьмого кто затесался, ища ранней славы. То была банда «залинейная» — пестрая толпа, где верховодили цыгане, но мелькали и казахи, и русские лица.

Заняли они место самое удобное, истинный плац, дарованный судьбой сильному: уголок защищенный, теплый, возвышенный. Кто на скамьях развалился с наглостью победителя, кто на деревьях засел, подобно вещим птицам, взирая сверху на пришедших. И началась «тёрка» — разговор тяжелый, колючий.

— Что же вы, — молвил их старший с усмешкой горькой, — всем детским садом к нам припёрлись? Неужто заступников иных не сыскалось?

Артём, духом крепкий, отвечал твердо:

— А что тебя, любезный, не устраивает в свите нашей?

— Да нам-то всё равно, — протянул тот, — только стыдно как-то честным пацанам с малявками бакланить.

Тут Ахмед, чье сердце не терпело обиды, вступился в спор:

— А ты попробуй, побаклань с этими пацанятами, — голос его звучал звонко, как булат, — а мы посмотрим, чья возьмет. Скажи лучше, чем вы недовольны? К чему этот сыр-бор и шум великий?

— Да наших пацанов отлупили здесь, на вашей стороне, у вокзала, — хмуро бросил залинейный. — Вот мы и решили разобраться по совести.

Ахмед же, очи сузив, спросил:

— Ваших пацанов сколько было? Четверо? А наших сколько их лупило? Двое! И не стрёмно ли вам, за такой позор вступаясь, на разборки приходить? Двое на четверых — в два раза больше их было, а они «очко пронесли», чести мужской не сберегли. Получили они по мордам своим наглым, беспредельным, да и побежали к вам жаловаться, как девицы. А вы что же — «торпеды»? Вместо них пришли правду искать? А если бы нас сейчас человек двадцать явилось и мы бы вас раскатали в пыль? Не кажется ли вам это стремным? Двое четверых побили, а вы мазу держите за трусов. Не узнаю я в вас пацанов. Кто вы? Может, голубые или фиолетовые? И нет ли у вас под портами трусиков женских кружевных? Ну-ка, покажи!

— Э, аккуратнее в выражениях! — вскричал старший. — Ты, щегол, кажись, рамсы попутал. Ты хочешь сказать, что мы за своих впрягаться не должны?

— Впрягаться должны справедливо, ежели понятия пацанские вам ведомы, — отрезал Ахмед. — А коли четверо на двоих прыгнули и огребли, то вам следовало им же по зубам нащелкать, чтоб не позорились. Они на вокзале у наших пацанов мелочь хотели вытрясти на мантики да пирожки. Или я в чем-то не прав?

Замолчали залинейные. Даже главшпан их притих.

— Ну, рассудите здраво, — продолжал Ахмед. — Вы — торпеды. Решили нас побить? Хорошо. Давайте один на один! Как в стародавние времена. Я буду один от детского сада, и ты один. Коли я тебя побью — вы извиняетесь перед всеми нами. Или очко жим-жим?

Старший посмотрел исподлобья. «Размажу щегла», — думал он.

— Хорошо, выходим.

Подошел Ахмед к нему вплотную, в глаза заглянул. Назад дороги нет. Стал отходить — шаг за шагом. Когда меж ними стало шагов десять, верзила заулыбался — думал, малец испугался. Ахмед повернулся к нему спиной. И тут — резкий разворот! Подобно медоеду, Ахмед сорвался с места. Со всего хода прыгнул на него, грудью смял, с ног свалил. С правой руки в челюсть как зарядит — и вывихнул кулак. Но не сдался: левой начал добивать. Зажал он шею врага коленями, в замок взял нерушимый. Стянул ноги, душит пса. Тот по земле бьет — молит о пощаде.

Ослабил хватку Ахмед, встал. Жалкое зрелище! Морда у залинейного избита, ухо порвано, выплюнул тот зуб выбитый на траву. Верзила лишь руки воздел:

— Все, пацаны... Простите нас, идиотов. Мы в натуре как торпеды припёрлись этих дураков защищать.

Развернулись залинейные и пошли прочь. А старшаки школьные в изумлении застыли:

— Татарченок Ахмед... Ты же его разорвал! За честь школы постоял!

Вечером праздновали в кафешке на вокзале. Ахмеду лично пузырь вина взяли. Но рука болела нещадно — вывих и прокушенная зубом кожа. Так закончилась эта битва, но впереди был новый вызов.

Глава 16 Расширяем плацдарм духа.

Глава 2: Сад матери и уроки тишины

Так крепло их братство. Банда «Б» класса росла, совершенствовалась, обрастала новыми людьми. Годы шли, контингент на вокзале менялся: кто-то уезжал в поисках лучшей доли, кто-то прибывал, вливаясь в их тесные ряды, подобно свежей крови. Но сердце Ахмеда всегда оставалось там — в Джамбуле, в родном доме, где каждый куст и каждое дерево были напоены живой силой.

Жили они в своем доме — с садом, огородом и мудрой поливной системой. Стоило открыть воду в арыке, как она послушно бежала по грядкам, напоитывая землю нежностью. Неделью после этого огород стоял влажный, тяжелый от соков, рождая плоды трепещущие и сильные. Деревьев было немного, но кормили они семью круглый год. Запретов в том саду не знали: «Заходите, рвите, ешьте, сколько душа просит, только веток не ломайте».

Четыре яблони кормили не только их, но и свиней, и братьев, что разносили дары по своим квартирам. Особо памятен был «белый налив» — дерево огромное, плодоносившее поочередно то одной стороной, то другой. Яблоки на нем росли рассыпчатые, такие крупные, что редкий человек мог доесть одно до конца. Весь цвет и вкус лета падал прямо к воротам двора. А рядом — медовые персики, слива, урюк и терн. Позже посадили они с матерью вишневый сад — тридцать деревьев, что со временем вымахали выше крыши. Малина, клубника, тугие помидоры — всё, чего требовала душа, росло под ласковым солнцем. Жили сытно, вольготно: в свинарнике хрюкали две справные хавроньи, в курятнике сустились утки и гуси, а крольчатник Ахмед смастерил сам, гордясь своим маленьким хозяйством. Неподалеку мерцали озера — Комсомольское да Пионерское, даруя прохладу в знойные дни. Слава Богу, жили нормально.

Мать была в том доме царицей, богиней домашнего очага. Всегда они были сыты, обстираны, выглажены. Ахмед обитал во времянке — своих «персональных апартаментах», а мать с сестрой Раей — в основном доме, но двор был один, общий. Мать учила их жизни мудро — не навязывая, не понукая, не читая скучных нотаций. Она просто рассказывала случаи из жизни, а дети сами делали выводы. В доме царил закон: никогда не повышать голоса на мать, не спорить, даже если правда на твоей стороне, и упаси Боже материться в ее присутствии. Она была самым святым существом после Бога.

Однажды мать рассказала историю, что навсегда врезалась в память. Жили-были мать с сыном. Мать женила его на хорошей девушке, помогла купить жилье, а сама осталась в старом доме. Сын работал шофером на грузовике, а сноха оказалась женщиной жадной и кровожадной. Стала она подбивать мужа избавиться от матери, чтобы завладеть домом — либо в дом престарелых сдать, либо и вовсе убить в лесу. Долго пилила, и поддался сын, согласился на черное дело. Пригласил он мать в поездку, а путь лежал через глухой лес.

Мать, чуя сердцем недоброе по глазам невестки да по тяжелому молчанию сына, перечить не стала. Ехали они долго, пока грузовик не замер на пустынной лесной дороге. Сын сидел, вцепившись в руль, не смея поднять глаз. Тогда мать молвила:

— Сыночек, я всё понимаю. Не хочу, чтобы ты мучился. Раз вы так решили, я сама сделаю шаг. Я сейчас выйду и пойду по дороге, а ты заводи машину и наезжай на меня. Раздави и не горюй. Я всё равно люблю тебя и буду молиться за тебя и здесь, и там. ет дверь: «Сынуля!» А он сидит, уронив голову на руки. Мертвый. Не выдержало сердце сына такой тяжести, разорвалось от боли и стыда.

Такими рассказами мать ковала их мировоззрение. Без побоев (лишь раз Ахмед отведал строгости за двойки по литературе) она взрастила в них личные, ненавязанные взгляды на жизнь. И по сей день молитвы детей летят к Небу, прося Господа не оставлять ее в Царствии Своем. «Слава и хвала Тебе, Господи, за такую мать! Благослови всех родных и усопших, да будет за всё Тебе слава, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь».

Глава 17 Бой на пероне

Улица — закон, вокзал — арена,_
Юность бьётся, словно кровь в висках._
Брат за брата — вот и вся дилема_
Честь — не золото в чужих руках._

Но тот случай с цыганами за ленинскими рядами — он ещё в памяти не у всех осел. А их много. Всех не перебьёшь — жизни не хватит. Кто-то знает, кто-то забыл, кто-то помнит, а кто-то хочет заново проверить крепость кулака и слова.

Бесконечны стычки те, где держишь ты рубеж. Стоишь — значит жив.

Однажды шли мы с Серёгой по перрону. День томился зноем. Шпалы пахли смолой, как в детстве пахли новые лыжи у отца в сарае. Воздух густой, дрожит над рельсами. Вагоны гремели железом, как кандалы. Люд суегился — всякий по делу своему, по скорби своей. Бабка с клетчатой сумкой крестилась на проходящий скорый. Дед в кепке сплюнул под ноги: «Опять опаздывает, шельма». А мы — купили по пирожку, по мороженому. Идём, смеёмся. Мороженое тает, течёт по пальцам, а нам и горя мало. Молодость.

Тут обгоняют нас двое. Щёголи малые, лет по двенадцать, но с гнильцой в глазу. Таким и сморчком убить — не грех. Кроссовки грязные, а взгляд уже волчий.

— Братки, привет! — лепечут. — С мелочишкой не подсобите? На мантушку бы, на пирожок.

Ахмед им в ответ:

— Сейчас по мантушке и получишь. Видишь, купили уже. Или мороженку хочешь? Заморозу.

— Эй, братка, ты чего так грубо? Мы ж не ругаемся, — отвечает цыганёнок. А сам глаза отводит, как лисёнок. Чует, гад, что не по зубам ему.

Гляжу — справа ещё двое. Сзади — трое. Обступают. Семеро их стало. Один в красной майке всё на Серёгин пирожок косится. Голодный, видать. Да только мы своё не отдаём.

— А вы дерзкие какие, — цедит один.

— Мы-то дерзкие? — усмехаюсь. — Вы забыли, как в парке неделю назад отведали?

— То не ми ! То били не ми ! Мы за своих слыхали.

— А, так вот кто наших покоцал? Хорошо, что нашлись, — скалится ихний.

-А что наказать хочешь, ну давай делай-сказал Ахмед.

Кольцо сжимается. Спереди ещё двое прут, не сворачивают. Упираются в нас, будто путь загородить хотят. Соплём не перешибёшь таких. Тут рука моя левая, одна боевая, зачесалась. Серёга локтем мне в бок: «Началось». И улыбается. Ему всегда драка — как праздник.

И в этот миг — Геша с Лёней подходят. Братья-близнецы, старшаки наши. С ними и в огонь не страшно. Идут вразвалочку, будто гуляют. А у самих кулаки уже сжаты. Не обойдут в беде. Разговор уже на повышенных, воздух — как перед грозой. Пахнет не только шпалами — пахнет бедой.

Было нас двое против девяти. Стало четверо. Тут и Серёга второй подтянулся — тоже нашинский пацан, с нашего двора. Пятеро.

Терпение моё лопнуло. С левой — раз! — переднему в челюсть. Крутанулся он трижды вокруг оси своей, как волчок, и лёг. Спокойно, как ангел. Безопасно лёг, головой не стукнулся. Кепка его откатилась к рельсам.

Второму — с правой ноги под печень. Тот только руку поднял, знак показать хотел — а я ему саданул. Ойкнул, подпрыгнул, на колени сел, за бок схватился. Глядит — не поймёт. Воздуха нет.

Мелкоту мы по одному повыщёлкивали. Пять минут — и нет никого. Разбежались. Лежа-чего под руки взяли, того, с печенью, тоже — и дёру. Только пыль столбом да кепка на рельсах осталась.

Бегите! — кричу им вслед. — Но имейте в виду: всех вас тут переловлю. Честью своей клянусь. Попадётесь ещё раз — пеняйте на себя.

Постояли мы впятером. Обнялись в кругу, как братья родные. Пот со лба течёт, сердце колотится, а на душе — легко. Потому что свои. Потому что выстояли.

— Хай гуй, пацаны! — крикнул Ахмед — Пошли в кафешку, пиво пить.

Так и росло наше братство. Не на словах — на деле.

Зашли в кафе. «Ветерок» называлось, у самого вокзала. Сели тихо, мирно, как законопослушные люди. Скатерти в клетку, мухи над липкой лентой выются. А мы — молодые, горячие, а сидим смирно. Мы с Серёгой за пивком пошли, за рыбкой. Самообслуживание. Пена в кружках белая, холодная, по стеклу стекает. Возвращаемся — а у наших трое стоят. Юноши уже, не школоты. Плечи широкие, в майках-борцовках. Тоже на шарнирах.

Нависли над пацанами, голос повышают. Денег, видать, хотят. Что ещё нужно в молодости? На магнитофон, на кассеты «Модерн Токинг», на девчонок.

Ставим мы с Серёгой «батарейку миномётов» на стол — пиво, рыбу. Вобла солёная, аж скулы сводит. Смотрим вопросительно:

— Пацаны, проблемы?

— Да нет... А вы что, дерзкие?

— А ты не видишь?

Встали наши. Пятеро против троих. Те поняли — не туда зашли. Самый здоровый губу закусил, а в глазах — уважение мелькнуло. Так всегда: силу чувствуют.

— Ладно, пацаны. Мы без зла. Может, вместе покайфуем?

— Деньги есть? — спрашиваю.

— Есть.

— Тогда пива возьмите. И сигарет пару пачек. «Космос». Винчик не надо — перебор.

Сходили. Принесли. Руки жмут, садятся. Сели. Познакомились. Оказались с Ворошиловой, недалеко от вокзала. Димон, Колян и Малой. Нашинские, только приехали из Сызрани. В школе другой, потому и не знали.

Так и обрастаем братвой. Так и крепнем. Не кулаками одними — правдой.

Они тоже не промах оказались. В боях бывали, побакланить любили. Колян шрам показал — от заточки на танцах. Димон рассказал, как от пятерых в подъезде отбил. Скентовались.

Вот так и жили мы детство своё. В боях. Кто косо глянул — отвечай. Кто не так ответил — держи слово. За каждое слово. И даже за намерение. Зато если свой — то до гроба. И пиво пополам, и беду пополам.

Глава 18 Отец.

У отца кулак был — как судьба: _
Бил без слов, и падал всякий с ног. _
Сына жгло наследье, как гурьба _
Память предков, совести упрёк. _
Глава. Отцовская сталь*

У Ахмеда отец был человек своеобразный. Жёсткий. Решительный. Серьёзный, как набат. Удар ему достался от отца — наследственный, литой. Ахмед помнил два или три случая, когда батя рубил с одного. Больше не требовалось. Любой здоровый шкаф падал сразу, с грохотом.

Однажды привезли они асфальт. Отец работал тогда на ММЗ, на круглом корыте ЗИЛ-555. Горячий асфальт ждать не любит — протянешь, прозеваешь, застынет в кузове. Потом долби несколько тонн в брак. Подошёл отец к завгару. Ахмед не видел, в кабине сидел. Только в окно смотрел. Разговаривают. Завгар руками машет, орёт, куда-то показывает. Отец его унимает, стоит спокойно. А тот всё орёт, на буквы посылает. Ахмед и моргнуть не успел — смотрит, завгар уже сидит жопой на куче. Асфальта. Отец высыпал не туда, а тот разорался. И вот сидит завгар прямо на куче, горячий асфальт дымит. Руками не опереться — утонут в гудроне. Отец подаёт ему руку. Поднимает из жижи. У того вся задница дымится, всё в смоле. А он опять орёт, матерится. Отец ему — второй раз. Тот ещё выше на кучу залетел. Доставать уже не стал. Развернулся, сел в машину. Уехали. С того момента отец больше на асфальтном заводе не работал.

А вот Ташкент. Идут они по базару. Рисовый базар называется. Небольшой, но культурный. Уютный. Всё на нём есть, что надо из продуктов. Рядом опорный пункт милицейский. Идут, видят — за гаражом мужик стоит и ссыт. Справил нужду, разворачивается. А они тут идут. Мужик выпивший. Отцу говорит:

— О, привет! — и руку тянет поздороваться.

Отец отвечает:

— Здорово, здорово, — а руки не подаёт.

Тот, пьяный, не понимает:

— А что, запахло со мной поздороваться? Блатной ты или дерзкий? Пахан?

Отец ему:

— Ты за хер держался, что ты мне руку тянешь? Я тебе должен её обтереть?

У того перемкнуло:

— Кто за хер держался?! Я?!

И лезет буром.

Отец — тресь. Один удар. Без базара, без лишних слов. Тот сложился и в траву. На клумбу улетел, упал и отдыхает. Не встаёт, не кричит. Спит.

Отец только сплюнул:

— Вот сволочь пьяная. На ногах толком не стоит, а всё лезет куда-то.

И ещё были случаи. Отец с одного удара вышибал любую раму. У Ахмеда такой же удар. Он боялся бить людей в своей жизни. Потому что три или четыре носа сломал. Три челюсти за жизнь выбил. Просто ударом руки. Одному мужику, в два раза старше, под глазом пробоину сделал. Увозили в больницу, зашивали. Четыре шва накладывали.

А ведь особо не тренировался. Грушу часами не бил. Были у него перчатки боксёрские, с детства. С друзьями по одной делили, боксировали, пинговали. Гантелями занимался. Отец ему трёхкилограммовые таскал. Но кулак, удар — никогда часами не набивал. Просто бил. И всё. И потом жалел. Стал бояться бить. Бил уже либо в грудь, либо в дыхалку, либо в бока. В челюсть, в лицо старался не бить.

Отец его тоже отсидел в своё время. Двадцать три года в лагерях. Ещё в сталинских. В Магадане. Попадал за убийство, за грабежи. В принципе, все статьи были, что и у Ахмеда потом. Наследственно оказалось. Бандитизм, грабежи, убийства. Вот почему говорят: яблоня от дерева далеко не падает.

Когда война началась, отец написал заявление. На фронт. Искупить, типа. И он искупил. Воевал жёстко. Четыре ордена, медали были за войну. После первого же ранения с него судимости сняли. Как искупившего долг кровью. Уже четыре ордена: за отвагу, Красной Звезды, ещё что-то. Все кровью заслужены.

Потом их часть передислоцировали. Отправляли в Польшу освобождать братскую Польшу. А он чувствует — нежелание ехать туда.

— Ладно, родину освобождали, — говорит, — воевал, я не против. Но каких-то врагов ехать освобождать? Как будто у них своих воинов нету. Они сами сдали страну. И мы должны ехать и гибнуть за них?

И он как в воду смотрел. Берёт два маузера, комиссарских пистолета — самые лучшие. Рюкзак патронов. И едет в Ташкент. В город хлебный. Тогда это был самый сытый город Советского Союза. Тёплый и сытый. Там никогда люди с голоду не умрут, даже если денег нет.

Там познакомился с матерью Ахмеда. И потом всё равно грабил, воровал. Был большим авторитетом. Не был ещё вором в законе, но авторитетом был. И банда своя была. Грабили. Убивали. Его когда сестра родная сдала, приехали брать — он убил ещё одного мента и овчарку. Всё равно поймали. Посадили. В конце концов. Потом по сталинской «золотой амнистии» вышел на свободу.

И вот он был человек жёсткий. Мать избивал, когда беременная была старшим братом. Тот родился с головными болями. А сестра родилась в результате с эпилепсией. Болела, страдала очень. Её на работу никуда не брали, потому что припадки частые. Однажды устроилась на почту. Доверили разносить газеты, письма и пенсии. Упала с сумкой в припадок. Хорошо, люди честные оказались рядом. Предотвратили. Денег много было в сумке. Не дай бог бы ушли. И она долго не удерживалась ни на одной работе. Никто её не держал. На этой почве стрессовала. Пропал интерес к жизни. Оказалась фактически не нужной, никчёмной. Жила упаднической жизнью. Спала до обеда, ничего не делала.

Вот такой отец у Ахмеда был.

Однажды в городе, в Джамбуле, намечалась гулянка. Все гулянки у них во дворе отмечали. Все праздники, дни рождения. А Вовка — старший сын ему — тогда было лет тридцать. Отслужил в армии, в танковых войсках. Здоровый хлопец. Полон сил. Что-то они с отцом не

поделили. Вовка полез в драку. Отец его с одного удара вырубил. Потом берёт за руку, тащит вырубленного, без сознания, метров пять-шесть волоком. К пеньку, на котором мясо рубили. Ложит его руку на пенёк и берёт топор. Хотел отрубить правую руку, которой тот на него замахнулся.

А мать, увидев это, подбежала. Заорала. Легла на сына, легла на пенёк. Отец, конечно, не стал никого рубить. Бросил топор и сказал, чтобы Вовки больше не было в их дворе и в их доме. Сказал, как отрезал.

Они в тот же вечер собрались с вещами, с женой. Нашли в районе комнату в частном доме и ушли. Ахмед потом носил им пожрать. Мать всегда что-нибудь наложит — пельмени, всё, что наварит.

— На, Вовке отнеси.

Мать добрая у них была. Всех кормила. Всех обнять хотела своей любовью.

Вот такой у Ахмеда отец был. Жёсткий. Конкретный. Рубил как топор. И сын в него пошёл. И боялся этого. И гордился. И нёс как крест.

Глава 19 Защитник.

В доме буря — он как тихий свет,
Слово доброе — его броня и щит.
Мал да удал, а в душе завет:
Всех простить, пока огонь горит.

Глава. Милостивец*

Ахмед был в семье самый милостивый. И жалостливый. Он всегда жалел. Всех оправдывал, даже когда мать на кого-то ругалась или обсуждала: не приехал, не пришёл, вот обещал, а не сделал. Значит, так, они любят мать. Он всегда всех старался защитить.

— Мам, ну мало ли что, — говорил он тихо, когда мать хмурила брови на старших. — Не успел. На работе не отпустили. Или заболел. Или не хотел тревожить.

Он не хотел, чтобы в доме копилась обида. Чтобы слово, брошенное сгоряча, ложилось камнем между родными. Ахмед в доме был как третейский судья. Хоть и самый маленький, самый последний в семье. А судил справедливо. Милостиво.

Когда братья грызлись из-за пустого, когда отец гремел, как грозовая туча, когда сестра хлопала дверью — Ахмед вставал между ними. Не кулаком. Словом.

— Не ругайтесь, — просил. — Не злитесь. Жизнь и так бьёт, зачем друг друга бить?

Звали его за глаза «перемирцем». Смеялись старшие: «Вон, наш дипломат идёт». А без него дом бы давно треснул. Он замазывал трещины своим сердцем.

Сестра болела. Эпилепсия съедала её изнутри. Спала до обеда, ничего не хотела делать. Апатия наваливалась на неё, как сырая земля. Мать ругалась. Не со зла — от бессилия. От страха за дочь.

— Ахмед, поговори с ней! Ты как брат! Хоть ты, может, ей объяснишь! Лежит целыми днями, на работу не идёт. Люди что скажут?

Ахмед садился на край сестриной кровати. Гладил её по худой руке.

— Мам, — отвечал он матери потом, на кухне, помешивая чай ложкой, — но она больная. Она хочет, может быть. А не может. Видишь, на работу её никуда не берут. Отказывают, как узнают про припадки. Она уже устала. Она уже не может реагировать на всё это. У неё просто перегорание. Душа у неё перегорела, как лампочка. Не ругай её. Ей и так темно.

Мать вздыхала, вытирала руки о фартук.

— Ох, сынок... Один ты у меня с сердцем. Остальные — с камнем.

Таким Ахмед и был в жизни. В доме. В семье. Где отец рубил с одного удара, где братья мерились силой, где мать кричала от усталости — он был водой на рану. Не лечил до конца, но боль снимал.

Он помнил, как Вовку отец волоком тащил к пеньку. Как топор блестел на солнце. Как мать легла на сына, закрыв его собой. Помнил крик. Помнил тишину после. И понял тогда

Ахмед малолетний одну вещь: сила — это не когда бьёшь. Сила — это когда можешь ударить, но не бьёшь. Когда можешь промолчать, но говоришь нужное. Когда можешь осудить, но жалеешь.

Он не был слаб. Удар отцовский жил и в его кулаке. Он знал это. Знал, как ломается челюсть под костяшками. Знал, как кровь на губах солёная. Но ещё он знал, как ломается человек от слова. От презрения. От того, что его никто не понял.

Потому он и понимал всех. Старшего брата, что ушёл после той драки с отцом. Не оправдывал, что на отца руку поднял. Но понимал: молодой, горячий, танкист. Честь задета. Понимал отца: закон в доме — его закон. Нарушил — отвечай. Понимал мать: ей всех детей жалко, за всех сердце рвётся. Понимал сестру: ей белый свет не мил, когда тело твоё тебе не подчиняется.

И носил он Вовке пельмени, что мать наварит. Молча ставил кастрюльку на стол в их съёмной комнатке.

— От мамки, — говорил только.

Вовка хмурился, но брал. А Ахмед уходил. Не ждал благодарности. Он просто мосты не жёг. Он их строил. Из пельменей, из слов, из молчания своего.

Однажды мать села с ним вечером на крыльце. Сентябрь был, листья жгли во дворе. Дым горький, есенинский.

— Сынок, — сказала она, глядя на огонь, — я только тебе свою старость доверю. Ни к кому не пойду. Ни к старшим, ни к Вовке, ни к Кольке. Только с тобой буду жизнь доживать. В тебе одном я уверена.

Ахмед не ответил. Только голову ей на плечо положил. А она гладила его жёсткие, отцовские волосы своей натруженной рукой. И плакала беззвучно. Потому что знала: этот не предаст. Не ударит. Не бросит.

Он был последний в семье. Младший. А стал для матери первым. Её опорой. Её тихой гаванью, куда она шла после всех бурь, что устраивал отец и жизнь.

Так и рос Ахмед. Между молотом отцовским и наковальней материнской любви. И сам стал чем-то третьим. Не молотом, не наковальней. Он стал руками кузнеца. Которые держат. Которые берегут. Которые могут и ударить, да только гладят.

И если спросить у соседей, кто в том дворе был самый главный, они бы не назвали отца с его страшным ударом. Не назвали бы мать с её криком. Они бы показали на мальчишку, что сидит на крыльце и смотрит, как горит листва.

— Вон, — сказали бы, — Ахмедка. Он у них там за совесть.

Глава 20 Угол

Совесть — угол, где стоишь один,
Стыд — не слабость, а души печать.
В доме том, где правит гром и клин,
Он учился правду понимать.

Ахмед был в семье самый совестливый. Когда что-нибудь набедокурят, отец ставил их всех по разным углам. Комната большая, углов хватало.

— Попросите прощения. Пообещайте больше так не делать. Тогда выйдете, — говорил отец, как судья. И садился на табурет. Курил. Смотрел.

Самым первым и наглым у них был Ромка. Старший. Только отец отвернётся к окну — Ромка уже:

— Пап, прости, я больше не буду!

— Ладно, иди, — кивал отец.

И Ромка выскакивал, как чёрт из табакерки. Довольный.

Ахмед стоял. Думал. Стыдно сразу после Ромки. Как-то подло. Будто выслуживаешься. Надо хоть немного дать времени. Постоять на коленях в углу. Подумать. Перегореть.

Тут Рая вторая, как всегда:

— Пап, прости, я больше не буду!

— Ладно, выходи.

Ну, теперь Ахмеду вообще стыдно. Сразу после двоих просить прощения? Как-то надо хотя бы постоять ещё с полчаса. И он стоял. Всегда дольше всех. Потому что стеснялся раньше всех просить прощения. Не хватало у него наглости вперёд всех выскочить из угла.

Просил, конечно. В конце концов. И выходил. Но всегда позже всех. Колени уже гудели, пыль на обоях рассматривал, трещинки считал. А в душе — легче. Будто правда отстоял что-то. Не срок в углу — себя.

Жили они в колхозе. Семья большая. Пятеро сыновей, одна дочь. И родители. Ахмед был последний. Поскрёбыш, как говорила мать. Во всём последний, но преуспевающий почему-то больше их всех. Странно так. Отец его особенно выделял и любил.

— Ты мой сын родной, — говорил, когда выпивши и добрый. — Ты мой любимчик. Я тебя больше всех люблю.

Гладил по голове тяжёлой рукой. И Ахмед верил. Сердцем верил. Куда денешься от отцовской любви?

Но жизнь показала совсем другое, в конце концов. Так судьба подвела, что Ахмеду пришлось убить отца. Как бы он его ни любил. И любовь эта оказалась миражом в принципе. Потом дойдёт, когда до этого повествование будет. Всем видно станет, что это не любовь была. А расчёт. И зависть. И ревность. К матери.

Это семья хоть и не была никто конченными извергами. Отец матерился. Матерился всегда и во всём. Это разговора нет. Его прошлое, будущее, конечно же, говорит о многом. Магадан, война, грабежи. Такое в словах не утаишь.

Но и братья — не скажешь, что лаконичные, вежливые, культурные. Братья, пацаны есть пацаны. Они всегда матерились. Крепкое словечко могли отпустить. Так же и Рая материлась.

— Не надо материться! — кричала мать. — Не матерись!

А сама через минуту:

— Да ёб твою мать, куда ведро дела?!

Естественно, и на Ахмеде это всё сказывалось. В семье такое было отношение. Даже слова нежные, как «плачет Рая», никто никогда не произносил.

— Ревёт, — говорили. Не плачет.

Не Рая, не Раечка, а Райка.

Не мама, мамочка, а мамка.

Не папа, папочка, а папка.

Вот такая у них была семья. И общение такое. У них было стыдно сказать «плачет». Скажешь — засмеют. Слабым назовут. Ревёт — и всё. Как корова. Грубо, зато честно. По-ихнему.

Однажды Ахмед первое своё слово матерное произнёс. Не желая, не хотя. Просто устал. Дрова колот, всё утро. Руки гудят, спина мокрая. Сел на чурбак, вздохнул тяжело и выдал:

— Хууууууу...

Мать как раз мимо шла с ведром. Остановилась.

— Сынок, ты что делаешь? Зачем ты материшься?

Ахмед глаза поднял, испугался:

— Я не матерюсь, я вздыхаю, мам! Я устал, — и снова вздохнул. — А что такое материшься?

Мать только головой покачала. Поставила ведро.

— Ох, вырастишь ты... — и пошла.

И вот так он жил. Воспитывался. Среди мата, угла, отцовской любви-ненависти. Слова впитывал, как губка. Сначала не понимал их веса. Потом понял. Потом уже, конечно, узнал все матерные слова. Куда в колхозе от них денешься? На каждом заборе, в каждой канаве. Пацаны научили. Жизнь научила.

Но в углу он стоял дольше всех не из-за слов. Из-за совести. Она у него была как заноза. Не вытащишь. Мешала жить легко, как Ромка. Мешала орать, как отец. Мешала не думать, как все.

Стоял и думал: а за что стою? Ведро разбил? Так случайно. Кошку за хвост дёрнул? Так она сама лезла. А стоял. Потому что отец сказал — стоять. Потому что порядок. Потому что если все простят себя сразу — кто тогда виноватым будет?

И выходил он из угла другим. Старше на полчаса. Мудрее на одну трещину в стене. И смотрел на Ромку, что уже на улице в чику играет. На Раю, что Райкой стала. На отца, что его любимчиком звал.

И чуял маленьким сердцем своим: любят его не за то, что последний. А за то, что настоящий. Что не врёт себе. Даже в углу.

А то, что потом убить пришлось... Так то потом. То жизнь. То судьба. То не угол уже. То пропасть. Но про это — после. Когда дойдём.

Пока же он стоял. Совестливый. Последний. И самый первый для матери.

Глава 21 Развод родителей

Так и рос Ахмед. Жизнь мяла его, как глина в кулаке. Складывался свой мир. Свои взгляды на людей, на поступки, на правду.

Мать устала биться с отцом одна. Он в доме не жил. Мотал по Ташкенту, вольный, как ветер. Домой не рвался. Тогда мать подала на развод.

Отец приехал. Специально. На суд. Почему-то Ахмед пошёл с ними. Было время до заседания, час. Отец сказал матери при Ахмеди:

— Танечка, давай сойдёмся. Вернусь в Джамбул. Будем жить вместе. Брошу Ташкент.

Мать ответила тихо:

— Я тебе не верю. Столько лет прожили. Сначала я тебя боялась. Ты бил нас. Потом детей надо было поднять. Вот Ахмед последний. Уже работает, палец на станке отрезал. Я его ещё подержу. Но тебе верить не могу.

Ты сколько раз клялся, божился. И всё одно. Ты вольный волк. Тебе лес нужен. Без Ташкента не сможешь. У тебя в каждом районе жена. Где ночь застала — там и дом. А я так больше не хочу.

Сначала я тебя любила. Потом боялась. Ты избивал меня беременную.

Рая дочка родилась с эпилепсией. Ромка — с головными болями. Помнишь, как ты ему бутылкой голову разбил?

Пьяный был, в колхозе. Играл с детьми. Спросил Ахмеда, пятилетнего:

— Хочешь, я его бутылкой по голове ударю?

Ахмед принял за игру. Весело ему стало. Кивнул: хочу.

И ты ударил. Стеклой поллитровкой. Родному сыну. Голову разбил. Кровь потекла. Просто ради игры.

Помнишь?

Отец насупился. Смотрел в стол. Сказать ему было нечего.

Разошлись они мирно. Без ругани. Без скандала. Но он ушёл с обидой. Уехал.

Каждый год он брал Ахмеда в Ташкент на лето. Одевал, обувал. К школе готовил. И отправлял обратно к матери в Джамбул.

В семьдесят девятом Ахмед шёл в восьмой класс. Отец забрал его пожить в Ташкент. Жил он тогда с очередной женой. У неё две дочки. Старшая на год-два старше Ахмеда, младшая совсем малая.

Жена та была крутая. Когда дети баловались, отец разбираться не лез. Она их воспитывала лапцой — чем ковры выбивают. Как возьмёт лапту в руки — дети щемятся по углам. Плачут, пищат, не знают куда забиться.

Ахмеда она не трогала. Отец не давал.

В школе у Ахмеда был учитель. Кореец. Математик. Злой, цепной.

Однажды он выгнал Ахмеда с урока. Двойку вlepил. Дневник забрал. Родителей вызвал.

А отец сам учил Ахмеда мстить. Посылал пацаном к своим обидчикам. Говорил: за своё стоять надо.

И Ахмед решил отомстить.

Ночью пошёл в школу. Сторож дремал. Ахмед по стене залез на второй этаж. Через форточку — в коридор. На третий этаж. В кабинет математики.

И надрал. На учительский стол. На парты. На карты. Порвал плакаты. Запачкал всё.

Ушёл. Никто не знал кто. Доказать было нельзя.

Домой Ахмед пришёл около двенадцати. Отец не спал. Ждал.

— Ну что? Где шляется? На два часа просрочил. Сейчас получишь.

Ахмед пожал плечами:

— Получу так получу. Готов.

Девчонки не спали. Забились по углам. Ждали, что мать возьмёт лапту.

Ахмед повернулся к отцу спиной. Встал.

Все замерли.

Отец размахнулся. Ударил один раз. По плечу. Душевно.

Ахмед не шелохнулся. Не охнул. Не схватился за плечо. Стоит. Ждёт продолжения.

Отец посмотрел. Рука у него опустилась.

Недаром говорят: подставь вторую щеку — и враг бить не сможет.

— Ладно, — сказал отец. — Иди мойся. Ложись спать.

глава 22 ПЕРВАЯ КРОВЬ

Глава 22 ПЕРВАЯ КРОВЬ

В тот же год в Ташкенте Ахмед взорвался первый раз.

Дело шло к Новому году. Пацаны всегда делают взрывпакеты. Точат магний, мешают с марганцовкой и серебрянкой.

Пришёл друг Анвар. Принесли магний. Стали точить напильником. Муторно. Долго. Пыль серебряная. Так же серебрянка шла в ход порошковая серебрянная краска.

Намешали. Набили трубки. Скрутили. Изолентой замотали. Спички приладили.

Кинули один с окна — не взорвался. Второй — тоже. Смесь не та. Концентрация не та. Устали. Злые.

Решили проверить смесь. Насыпали кучку на стол. Полстакана. Чиркнули спичкой. Вспыхнуло.

Не взрыв — вспышка. Но какая. Магний горит белым солнцем. Ослепил враз. В глазах — белое пятно. Ничего не видно.

И руку обожгло. Всю тыльную сторону. Кожа сошла. Волдырь на пол-ладони.

На щеке — пятно с пятак. Тоже ожог.

Ахмед вслепую, на ощупь, дошёл до ванны. Стали отмываться с Анваром.

Все каникулы Ахмед дома просидел. Новый год пропустил. Пацаны смеялись. А он слепой ходил, с обожжённой рукой.

Но Ахмед не унялся. Взрывал постоянно.

В школе украл из химкабинета красный фосфор и бертолетову соль. Знал — гремучая смесь. Даже поджигать не надо. Заверни в фольгу, брось на пол, каблуком прижми — бахнет.

Дома на огороде стоял верстак. Ахмед набивал гильзы. От карабина. От «максима». Чем плотнее набьёшь, чем сильнее завернёшь — тем громче выстрел.

Однажды заворачивал пассатижами. Песчинка соли попала под зажим.

Рвануло в руке.

Гильзу отбросило на два метра. В грядку. А пассатижи — исчезли.

Ахмед весь огород перерыл. На верстак лазил. На крышу временки. Нет пассатижей. Как на Марс улетели.

Через три дня соседка, баба Шура, приносит их.

— Ахмед, не твои?

— Мои, — говорит Ахмед. — А как они у вас оказались? У меня в том конце огорода.

— А вот, — говорит баба Шура. — Взрыв был. Слышали. Я думала, у меня воры сетку режут. Пассатижи забыли. А они вон как долетели. Метров тридцать.

Как Ахмеду руки не оторвало — один Бог знает.

Друг его, Серёга, без пальцев остался. А у Ахмеда — ни разу ничего не оторвало. В рубашке родился.

Потом мать работала сторожем на Джамбульском домостроительном комбинате. Там Ахмед первый раз в жизни работал. В столярном цеху. На станке. Там и палец в тринадцать лет отрезал.

Мать сутками работала. Варила дома борщ, плов. На сутки, чтоб хватило. Холодильник всегда полный был. Сало, колбаса, рулеты — всё своё, домашнее. Мать сама делала. Не нуждались.

А Ахмед к ней на работу бегал. На башенном кране катался. С дядей Лёней, крановщиком.

Однажды дядя Лёня ушёл. А Ахмед не утерпел. Залез в кабину сам. И давай кататься. Вправо-влево. Стрелой вверх-вниз. Крутится, как балерина.

Снизу кричат:

— Ты что, пьяный? Чего крутишься?

Глянули — а это пацан. Дядя Лёня вернулся, влетело обоим.

На заводе делали тару. Дощечки с пазом. Мать говорит:

— Хорошие дощечки. Давай домой натаскаем.

И таскали. По двадцать-тридцать штук. Свяжут, в автобус — и домой. Так забор построили.

Ещё на складе картошка, лук, морковь насыпью лежали. Никто не считал.

Мать говорит:

— Лезь, Ахмед.

Ворота оттянет, Ахмед пролезет. Мешок подаст. Наберёт картошки, лука. Вылезет. Утром домой везут.

Воровством это не считали. Несуны. Все тащили. Колхозники, заводчане. С работы — домой.

А по сути — воровство.

Так и складывалось у Ахмеда мировоззрение. Раз людям надо жить, выживать — значит, можно взять.

Отец учил мстить. Мать учила нести.

Вот и стал Ахмед вором. Не потому что злой. Потому что так жили.

Мебель дома — с завода. Вагончики для рабочих приходили. С тумбочками, шкафами, полированными. Сторожа растаскивали. И мать брала.

Для дома. Чтоб в достатке жили. Мать не ругала. Не осуждала. Считалось — норма.

Однажды дома был Вовка. Старший брат. Пьяный. Лет на двадцать старше.

Мать на работе. Ахмед собирался к ней.

Вовка сидит, бормочет:

— Ахмед, убирайся дома.

Ахмед понял по-своему. Огрызнулся:

— Сам убирайся. Сказал Ахмед.

-Я тебе сейчас ноги повыдергиваю, скотина.

Сказал Вовка:

— Сам ты сволочь.

Ахмед психанул. Побежал на чердак. Там у него два обреза были. Откуда — уже не помнил. И патроны. Зарядил два патрона — только с порохом, без дроби.

Спустился. Вовка сидит на кухне, ест. Двери открыты, лето.

Ахмед подошёл.

— Что, сволочь? Напился, командовать научился? Держи!

И с двух стволов — в упор. Дуплетом.

Дыма — полный коридор. Порох дымный.

Ахмед обрезы кинул на место. И к матери поехал.

Мать спрашивает:

— Как дома?

— Вовка велел, чтоб я убирался. Сволочь.

— Я ему дам, — сказала мать. — Никогда слова не говорил, а тут нажрался.

Потом Вовка рассказывал, хохма была.

— Меня вырубило. Пыж из кошмы, плотный. В грудь попал. Очнулся — дым, ничего не вижу. Думаю: я в раю или в аду? Дыма много, воняет. Шевелится руки-ноги. Значит, живой.

Выполз ползком из коридора. На воздух. Лежу, не пойму. Думал, баллон с газом взорвался.

Потом вспомнил, что Ахмед стрелял.

После того Вовка на Ахмеда больше не дёргался. Не поучал.

Глава 23 Тайга

---Шумит тайга, сосна до звёзд достала,

Река Исеть в туманах спит.

Весна пришла, душа опять устала

От воли той, что кровь пьянит._

ГЛАВА 23. ТАЙГА

Ахмед умел водить машину с девяти лет. Отец сам учил. Не в городе. За городом, в лесу, в степи. Отец сидел рядом, подсказывал. Ахмед уже мог любую завести. Поехать.

Прав не было. Но он знал: в семнадцать с половиной можно в ДОСААФ идти. Учиться на права.

Он ждал. Рос быстрее. Хотел взрослым стать.

Друзья у Ахмеда были старше. С автобазы. Сосед Юра Копейкин жил через два дома. Высокий, здоровый, сильный. Вся семья у них такая.

Юра ЗИЛ-130 сам чинил. Двигатель вынимал без крана. Без лебёдки. Голыми руками.

Проводку, электрику, баллоны — всё сам. Ему это легко давалось. Мужик от Бога.

Ахмед перед старшаками не лебезил. В магазин за вином не бегал. Не навязывался.

Подходил как равный. Здравовался за руку. Слово за слово. Общались.

Все старшаки его знали. Уважали. Он держался достойно. Со всеми.

С женщинами здоровался. С соседями. Помогал кому чем мог. Не отказывал.

Его все знали. Приветствовали.

Пожил Ахмед в Ташкенте с отцом. У того новая семья была. И отец сказал:

— Поехали в Тюменскую область. Село Исетское. Райцентр.

Там интернат в лесу. Для трудных детей. Километров двадцать по лесу ехать. На реке Исеть стоит.

Там квартиру дают сразу. Машину. Я на машине работать буду. Тебе лодку моторную купим. Мотоцикл. Гонять будешь. Рыбачить.

Знал отец слабые места Ахмеда. Манил. Звал от матери подальше.

Пацану тринадцать лет. Разве не хотелось? Свой мотоцикл. Своя лодка. Жить на реке. Рыбачить. Воля.

Ахмед согласился. Мать не была против. Не ревновала. Считала: пацану с отцом надо. С мужчиной.

Она его не выгоняла. Не ущемляла. Наоборот, давала понять: мужчина с мужчиной воспитываться должен.

Отец взял билеты на самолёт. Полетели в Тюмень.

Из Тюмени на автобусе. До села Исетского. Исетский район.

Приехали. Сразу пошли к женщине. Тётя Клава. Здоровая, сильная, дорожная. Новая жена отца.

У неё дочь взрослая, Галина. В городе жила. Приезжала часто. С ней Ахмед подружился.

Пили там самогон. Ахмед поражался. Они его как лимонад хлещут. Как мы пиво пьём.

А самогон градусов семьдесят. Может, больше. Гонят из лесных ягод. Там лесов много.

У каждого огороды. Участки немереные. Сажают кто сколько хочет. Картофеля по пятьдесят центнеров снимают.

Излишки в магазин сдают. Грибы — восемь-одиннадцать сортов. В магазине висят. Сушёные, маринованные, солёные.

Рассольник с грибами продают. Грибов больше, чем капусты. Вкусный.

Медвежатину в поселковом магазине купить можно. Лосятину. Охотники сдают.

У нас в городе такого не увидишь. Даже в Ташкенте на базаре оленину не найдёшь. А там — пожалуйста.

Ягоды любые. Свежие, сушёные. Орехи лесные. Всё есть.

Стали жить у тёти Клавы.

Картошка там чернозёмная. Сладкая. Ахмед одну взвесил — четыреста пятьдесят грамм. Одна картошина.

Такая крупная. Пищевая. А наша казахская у них на корм скоту идёт.

До того вкусная, что Ахмед наедался до коликов. Суп из неё — вкуснейший.

Тётя Клава нажарит сковороду со сметаной домашней. Всё домашнее.

Ахмед вставал из-за стола с трудом. Тяжело, но вкусно.

Грибы маринованные на столе. Все дары лесные. Сытно жили. Советское время.

Однажды весной Ахмед пошёл с соседской девочкой в лес. Апрель был. Сок берёзовый собирать.

Набрали банок, бутылок. Пошли.

Ахмед там плохо ориентировался. Девочка повела. Почти одногодка. Может, на год младше.

Наставили банки. Ходят по лесу.

Она Ахмеду понравилась. Красивая, стройная. Видно, что ни разу не целовалась.

Он замыслил поцеловать. Нежность к ней проснулась.

Разговаривал с ней. Рассказывал про юг, про Казахстан, про Узбекистан. Ласковыми словами обхаживал.

Решился. Она на корточках сидела. Он сзади подошёл. Сел. Обнял. На ушко шепчет тёплые слова.

Поцеловал в щёчку. Она испугалась. Вскочила. Убежала в посёлок.

Пришлось самому банки собирать. Сок нести. Литра три набрал.

Свежий сок не такой вкусный. А постоит ночь в холодильнике — вкус раскрывается.

Девочку ту Ахмед больше не видел. Испугалась. Пряталась от него.

Приезжала Галина из города. К матери. Может, на них посмотреть.

Отец с Клавой спали отдельно. За общим столом все вместе пили. Галине лет тридцать было. Взрослая.

А когда отец с Клавой уходили в спальню, они с Ахмедом сидели. Музыку слушали. Магнитофон. Разговаривали.

Она ему наливала. Пили вместе.

Впервые Ахмед увидел, как сибиряки пьют.

Трёхлитровую банку самогона за вечер. В подвале у них бутылки по двадцать литров стояли.

Первую банку вчетвером допили. Родители ушли.

Галина говорит:

— Пошли в подвал. Наберём ещё.

Ахмед говорит:

— Пошли.

Спустились. Она пьяненькая. Ахмед первый слез, чтоб подстраховать.

Она спускается по лестнице. Он её прижимает, придерживает. Чтоб не упала.

Так в его объятия и спустилась. Он лестницу держит. Она между рук. Он не отпускает.

Смотрит на неё. Приближается губами. Она не против.

Поцеловал её. Ему тринадцать. Ей тридцать.

Первый раз такая близость. В подвале. Обнял, прижал. Она отдалась. Поцеловались.

Ей понравилось.

Налили ещё литра два-три. Подняли. Закрыли погреб. Стали дальше пить.

До утра сидели. Телевизор там до пяти-шести утра работал. Концерты шли.
Слушали магнитофон. Пили.

Банка кончилась. Ахмед смотрит и не поймёт. Столько он никогда не пил.

На юге в Казахстане так не пьют.

Но с хорошей закуской шло нормально. Ахмед без закуски не п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.